

ПОНСОН ДЮ ТЕРРАЙЛЬ

Маргарита Валуа: Прелестная ювелирша. Любовница короля Наваррского

Женские лики – символы веков

Понсон дю Террайль

**Маргарита Валуа: Прелестная
ювелирша. Любовница
короля Наваррского**

«Public Domain»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Террайль П.

Маргарита Валуа: Прелестная ювелирша. Любовница короля Наваррского / П. Террайль — «Public Domain», — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-04061-0

Пьер Алексис Понсон дю Террайль, виконт (1829–1871) – один из самых знаменитых французских писателей второй половины XIX века; автор сенсационных романов, которые выпускались невиданными для тех лет тиражами и были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Наибольшую известность Понсону дю Террайлю принес цикл приключенческих романов о Рокамболе – человеке вне закона, члене преступного тайного общества, возникшего в парижском высшем свете. Оба романа, представленные в данном томе – «Прелестная ювелирша» и «Любовница короля Наваррского», объединены именем Маргариты Валуа, королевы Франции и Наварры. Современники называли ее Минервой, покровительницей наук и искусств. Потомки назовут ее одной из первых феминисток. Соперничая с мужчинами и в науках и искусстве, она отстаивала еще и право женщин на свободу выбора в любви. На страницах этой книги читатель встретится не только с принцессой Валуа, но и с молодым Генрихом Наваррским – будущим королем Франции, их друзьями и врагами, соперниками и возлюбленными.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-04061-0

© Террайль П.
© Public Domain

Содержание

Прелестная ювелирша	6
I	6
II	10
III	14
IV	18
V	21
VI	24
VII	26
VIII	29
IX	33
X	37
XI	41
XII	45
XIII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пьер Алексис Понсон дю Террайль

Маргарита Валуа

Сборник

Прелестная ювелирша

I

Однажды вечером в июле 1572 года два всадника неслись по дороге, соединяющей города По и Нерак. Это были два очень молодых человека, и пушок над их верхней губой говорил о том, что им едва ли идет двадцатый год. Один из них был брюнет, другой – блондин. Первый носил волосы коротко остриженными, у второго на плечи ниспадал целый каскад белокурых кудрей.

Ночь была ясной и темной, одной из тех, какие бывают на юге. Звезды ярко сверкали на темно-синем небе, оставляя землю в глубоком мраке. Слегка повернувшись в седле и склоняясь друг к другу, всадники вполголоса разговаривали.

– Ноэ, милый друг мой, – сказал брюнет, – согласишься, что в такую теплую, ясную ночь очаровательно нести по пустынной, молчаливой дороге!

– А знаете ли, Анри, – смеясь, ответил блондин, – это особенно хорошо тогда, когда покидаешь Нерак с наступлением глубокой ночи, чтобы направиться к хорошенькому замку, в котором имеется одно окно, открывающееся для вас с полуночи!

– Да тише же ты, болтун!

– Э, полно! – продолжал блондин. – Пусть я лишусь чести зваться Амори и пусть мой отец, сир де Ноэ, будет объявлен человеком дурного происхождения, если вы уже целый час не сторааете желанием, чтобы я произнес имя Коризандры, графини де Граммон!

– Ноэ, Ноэ! – пробормотал брюнет. – Ты самый отвратительный доверенный на свете! Ты беззаботно кидаешься именами, которые может подхватить придорожное эхо, а ведь надо же знать, какой тонкий слух у ревнивых мужей!

– А вот тот пункт, к которому именно и хотел прийти я! – сказал блондин.

– То есть как, чудак? Ты хотел бы...

– Я хотел бы, чтобы вы согласились, что вы чересчур отважны, Анри!

– Ну вот еще!

– Два раза нам повезло: один раз вы притаились за занавесом, когда граф неожиданно зашел к жене, а в другой раз вы провели ночь на ветвях ивы...

– Ну что же, это было летом, и я на славу выспался!

– Да, но вы должны знать, что граф, который так же уродлив, как ревнив, прикажет убить вас из-за угла, если у него не хватит решимости всадить вам кинжал в сердце своей рукой!

– Милый Ноэ, – сказал брюнет, – разве тебе не приходилось читать сказки моей бабки, Маргариты Наваррской?

– Конечно да. Ну и что?

– Там имеется одна сказка, в которую вложена интересная мысль о любви. «Любовь, – говорит Маргарита Наваррская, – это очаровательная страна, пока туда приходится добираться трудной, крутой, полной препятствий и капканов дорогой. Но в тот день, когда туда удастся проложить отличную прямую дорогу, она превращается в несимпатичную местность, лишенную притягательной силы».

– Вот уж, признаться, я не совсем понимаю это, – наивно сказал Амори де Ноэ.

– А я сейчас разьясню тебе это, – сказал брюнет, прищипывая коня. – Моя бабка пользовалась риторическими фигурами, чтобы сказать следующее; трудная, крутая дорога – это, видишь ли, ревнивый муж, окно, открывающееся только в полночь, кинжал наемных убийц, поджидающих нас в темном углу, ночь, проведенная верхом на ветви ивы. Ну а хорошо наезженная, большая дорога – это отсутствие всего перечисленного мною: это возлюбленная, которую навещаешь среди бела дня, спокойно оставляя лошадь у дверей, возлюбленная, которая без всякого страха называет тебя своим милым и охотно отдает то, что гораздо приятнее украсть!

– А вы, значит, не любите наезженных дорог?

– Я? – презрительно сказал брюнет. – Да если когда-нибудь черт возьмет этого Граммона и Коризандра широко распахнет предо мной двери своего дома, я велю сказать ей, что не люблю таких помещений, в которые нет надобности проникать через окно, и боюсь навещать свою возлюбленную среди бела дня, так как рискую обнаружить у нее морщину на лбу, а то так и целое бельмо на глазу!

– Аминь! – пробормотал Амори.

– Кстати, знаешь ли ты, что сегодня мы в последний раз отправляемся в Бомануар?

– Разве вы не любите больше Коризандры?

– Да нет... но завтра мы уезжаем отсюда!

– Уезжаем? – с удивлением переспросил Ноэ. – Но куда?

– Это я скажу тебе на обратном пути от Коризандры...

В этот момент лошади сами круто свернули с дороги и направились по боковой тропинке. Видно было, что они уже привыкли к этому пути и знали все его повороты. Действительно, через несколько минут они самостоятельно съехали с тропинки в густой кустарник и остановились там. Брюнет соскочил на землю, отдал повод своему спутнику, затем закутался в плащ, надвинул шляпу глубоко на глаза, проверил, легко ли вынимается из ножен кинжал, подвешенный к поясу, после чего быстро и легко пустился бежать среди молодой поросли.

Через четверть часа он дошел до стен замка. Впрочем, это был скорее деревенский дом, чем замок, так как лишь массивная, дубовая, окованная железом дверь и пара громадных пиренейских собак составляли всю охрану его обитателей, несмотря на то что в те времена были часты гражданские войны и политические смуты.

Брюнет осторожно обошел замок, пока не добрался до деревьев, росших около башенки. Здесь он приложил два пальца к губам и издал протяжный свист, после чего повалился на землю, стараясь, чтобы его не было видно среди густой травы. При этом его взор не отрывался от окон башенки, которые были темны, как и все остальные в этом доме.

Вдруг в одном из окон первого этажа башенки блеснул свет, но сейчас же потух. Молодой человек подошел к башенке. Окно, в котором до этого блеснул свет, открылось, к ногам молодого человека упала шелковая лестница, и он принялся взбираться по ней с ловкостью кошки.

Когда он поравнялся с открытым окном, оттуда протянулись две белоснежные руки и ласково втянули его в комнату, после чего лестница была вновь убрана обратно и окно закрылось.

– Ах, милый Анри, – пролепетал свежий голос, которому вложенная в него любовь придавала несравненную гармонию. – Ах, Анри, как поздно явились вы сегодня!

Товарищ Амори де Ноэ очутился в очаровательном гнездышке, именовавшемся молельней, но служившем в те времена будуаром. Алебастровая лампа излучала таинственный свет, освещая итальянские картины, флорентийскую бронзу, огромный восточный ковер и дубовую мебель двойной резьбы. В одно из этих дубовых кресел и села фея этого жилища, предусмотрительно убрав шелковую лестницу и закрыв окно. Молодой человек встал около нее на колени и взял ее руки в свои.

Это была женщина лет двадцати четырех, белокурая, словно мадонна Рафаэля, и белая, словно лилия, – северный цветок, пересаженный под пламенное южное небо, голубоглазый демон с иронической, насмешливой улыбкой нежных уст. Эту женщину звали Диана-Коризандра д'Андруэн, графиня де Граммон.

– Диана, дорогая моя Диана, – прошептал юноша, целуя белые надушенные руки графини. – Почему вы так сурово сдвигаете свои милые брови и так укоризненно смотрите на меня?

– Но подумай сам, Анри, – улыбаясь, ответила она, – ведь теперь уже почти два часа!

– Это правда, любовь моя. Ноэ попадет от меня за это: он вечно заставляет меня дожидаться его.

– Ты вовсе не думаешь, Анри, о том, что теперь у нас июль месяц, когда в три часа делается уже совершенно светло, – продолжала молодая женщина, сопровождая свои слова нежным взглядом. – Ну подумай только, возлюбленный мой, ведь я погибну, если тебя встретят на заре в окрестностях Бомануара!.. Он убьет меня! – шепотом прибавила она. – Да и тебя он тоже не пощадит. Ведь если у него явится хоть малейшее подозрение, он не задумается убить тебя, хотя бы ты был тысячу раз принцем!

– Ты забываешь, Диана, что нам покровительствует божок всех влюбленных, – с улыбкой ответил Анри и продолжал, как бы подчиняясь внезапному приливу грусти: – Бедная Диана! Так ты не знаешь, что я пришел проститься с тобой по крайней мере на целый месяц?

– Проститься? Да ты с ума сошел, Анри!

– Увы, нет, дорогой друг мой, я уезжаю. Мать желает, чтобы я отправился в Париж ко французскому двору...

– О, не ездь туда, Анри, не ездь! – с ужасом воскликнула графиня. – Ведь ты – гугенот, мой дорогой принц, и с тобой там случится что-нибудь дурное!

– Глупенькая! – ответил Генрих Наваррский. – Не бойтесь, ведь я еду в Париж инкогнито. Зачем – этого я не знаю. Завтра королева-мать вручит мне запечатанное письмо с инструкциями, но вскрыть его я имею право лишь в Париже!

– Все это крайне странно, – с задумчивым видом сказала графиня. – Не может быть сомнений, что тут имеется какая-то политическая цель, которой мы и не подозреваем.

– Диана, красавица моя! – сказал принц. – Разрешите мне зажать вам рот поцелуем! Ведь в нашем распоряжении имеется всего какой-нибудь час, и жаль было бы потратить его на тщетные догадки!

– Ты прав! – сказала она, обвивая его руками.

Час быстро пролетел; вскоре на горизонте появилась беловатая полоса рассвета, и Генрих Наваррский, подобно Ромео, расстающемуся с Джульеттой, сказал:

– Боже мой! Диана! Вот и день...

Она снова обвила его руками, заставила в сотый раз повторить клятвы вечной любви и потом сказала:

– Слушай-ка, дорогой, ведь ты еще никогда не бывал в Париже?

– Как же! Восемилетним мальчиком...

– Ну, это все равно как если бы ты и вовсе не был там! Париж полон соблазнами и всяческими ловушками, и тебе необходимо иметь там верного, преданного друга. Для этого я дам тебе письмо к горожанину, с женой которого мы воспитывались вместе на моей родине. Видишь ли, дорогой мой, маленькие люди часто бывают нужнее и полезнее, чем большие, а этот горожанин предан мне всей душой и пойдет за тебя на смерть, если будет знать, что я люблю тебя. А если ты порастрясешь свой кошелек, то он даст тебе и денег, но не под ростовщические проценты, а только из желания оказать услугу.

– Значит, он очень богат?

– Очень. Это ювелир по имени Лорьо.

– Ну так что же, – ответил Генрих, – дай мне это письмо, и я отправлюсь к Лорьо, хотя бы лишь из желания поговорить с ним о тебе!

– Ты когда едешь, Анри?

– Завтра с заходом солнца.

– Вот и отлично, до этого времени я доставлю тебе рекомендательное письмо. А теперь до свидания, голубчик, становится совсем светло!

Графиня осторожно выглянула в окно, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, а затем основательно привязала лестницу. Генрих Наваррский обменялся с нею последним поцелуем и быстро скрылся за окном.

II

Через неделю юный Генрих Наваррский в сопровождении Амори де Ноэ был уже на пути в Париж, снабженный инструкциями своей матери, Жанны д'Альбрэ, и письмом прекрасной Коризандры к подруге ее детства, жене ювелира.

В тот момент, когда наших героев застает этот рассказ, наступала ночь. Всадники ехали с самого утра, рассчитывая добраться до Блуа, где они хотели заночевать. По их расчетам, уже давно должны были показаться кресты блуарского собора, но они ехали и ехали, а все еще не было никаких признаков близости города. Между тем в воздухе чувствовалась гроза и небо было загроможено тяжелыми, черными тучами, которые неминуемо должны были в самом непродолжительном времени просыпаться злейшим ливнем.

– Да ну же, Анри, – сказал Ноэ, – подгоните свою лошадь. Нас сейчас застигнет гроза. Да и какая гроза еще! Моя лошадь уже дрожит подо мной!

– Ну вот еще! – возразил принц. – Ты достаточно хороший наездник, друг Ноэ, и сумеешь справиться с нею!

– Да, но я не люблю промокать...

– Летний дождь только освежает. К тому же наши лошади изнурены и...

Сильный удар грома, заставивший лошадь принца взвиться на дыбы, прервал его речь. В то же время крупные капли дождя забарабанили по дороге.

– Да ведь дело-то в том, – сказал Ноэ, – что, сколько я ни смотрю вперед, я все не вижу ни крыши, ни трубы...

– Зато я вижу какого-то человека, который едет верхом.

– Его вижу и я, да ведь человек не то, что дом: под ним не укроешься от дождя и бури!

– Зато человек может указать, где здесь поблизости имеется кров! – ответил принц, сейчас же обращаясь к проезжавшему с соответствующими расспросами.

Увы, в ответах, которые дал встреченный крестьянин, было мало утешительного. Блуа находилось от этого места по крайней мере в пяти лье, никакой деревушки поблизости не было, ближайшая гостиница была в двух лье.

– Бедный Ноэ! – с комическим сожалением воскликнул принц. – Уж придется тебе промокнуть!

– А если все дело только в том, чтобы укрыться от дождя, – сказал крестьянин, – то в нескольких минутах езды отсюда имеется на берегу Луары большая пещера, в которой вы отлично поместитесь с лошадьми!

Принц кинул крестьянину монету и дал лошади шпоры. Действительно, в последних проблесках вечера они вскоре увидели зиявшее тьмой отверстие большого грота. Сильная молния дала им возможность сориентироваться еще лучше. Ноэ первым въехал в пещеру, не слезая с лошади, и принц последовал его примеру. Почти сейчас же вслед за этим гроза разразилась со страшной силой. Удары грома и вспышки молний следовали друг за другом почти без прерыва, освещая блуарскую долину и будя спящее эхо. Всадники привязали лошадей в дальнем углу пещеры, а сами уселись на кучу сухих листьев, очевидно собранную прежними гостями пещеры.

– Да! – сказал Ноэ. – Этот грот кажется мне прекраснее всех парадных комнат Нерака. Согласитесь, Анри, если бы мы располагали здесь добрым куском дичи и бутылью белого вина, то могли бы просто смеяться над грозой!

– О, я хотел бы лишь держать в своих руках белую ручку Коризандры! – со вздохом ответил принц.

Ноэ насмешливо свистнул, отказываясь разделять любовную тоску принца. Вдруг странные звуки, донесшиеся сквозь вой и грохот бури, заставили молодых людей оторваться от своих

дум и броситься к самому краю пещеры И как раз в то время, когда они подбежали к выходу, сильная молния, сейчас же сменившаяся непрерывным рядом других, осветила им такую картину: по дороге неслась всадница, погонявшая свою лошадь ударами хлыста, а за нею летел догонявший ее мужчина, с заметным итальянским акцентом кричавший ей:

– Ну на этот раз ты не уйдешь от меня, красавица!

Молодые люди услышали крик отчаяния, и в тот же момент всадница обернулась, вытянула руку и выстрелила в нагонявшего ее мужчину из пистолета. Лошадь последнего поднялась на дыбы и сейчас же рухнула на землю, увлекая за собой и всадника. Преследуемая женщина прихлестнула свою лошадь и быстро скрылась во мраке.

Все это произошло так быстро, так неожиданно, что принц и его спутник не успели так или иначе вмешаться. Но когда они увидели, что всадник здоровым и невредимым встал из-под трупа убитой под ним лошади, Ноэ не мог удержаться от громкого смеха.

Незнакомец обернулся на этот смех и при новой вспышке молнии увидал пещеру, молодых людей, стоящих у ее входа, и двух лошадей, привязанных в углу.

– Клянусь мадонной! – крикнул он. – Лошади! Это неожиданная удача! – И, не обращая внимания на насмешливый смех молодых людей, он подошел к ним и окинул их пытливым взглядом опытного человека.

Принц и его спутник были одеты более чем просто. По камзолам из грубого сукна, фетровым шляпам без перьев и грубым кожаным сапогам их можно было принять за бедных дворянчиков, едущих в Париж на поиски счастья. Поэтому незнакомец поспешил принять покровительственный вид и надменно сказал:

– А! У вас имеются лошади, плуты вы этикие!

– О да, – не менее надменно ответил принц, – в этом отношении мы счастливее вас!

– Вот что, – продолжал незнакомец, – я во что бы то ни стало должен догнать эту женщину...

– Это будет трудновато, – в тон ответил принц.

– Разве ваши лошади недостаточно хороши?

– О, вполне достаточно! Только мы прибережем их для самих себя!

Наглая улыбка скользнула по дерзкому желтовато-оливковому лицу незнакомца, и он произнес:

– Ну, когда вы узнаете, кто я такой, вы не откажетесь продать мне одну из своих лошадей!

– Ба! Да уж не французский ли вы король? – насмешливо спросил Ноэ.

– Нет, но я гораздо выше короля!

– Выше короля? – рассмеялся Генрих. – В таком случае вы должны быть римским папой, только он выше короля!

– Я не папа, но зато я фаворит королевы Екатерины Медичи!

– Ну это-то будет чуть-чуть поменьше короля! – ответил принц, которого забавляла надменность незнакомца.

– Вот что, милые мои провинциалы, – теряя терпение, заявил незнакомец. – У меня слишком мало времени, чтобы терять его на праздные разговоры. Выбирайте – или вы продадите мне одну из лошадей, за которую я заплачу вам столько, сколько вы пожелаете, или вы наживете во мне такого врага, который в самом непродолжительном времени отправит вас на виселицу! – Генрих и Ноэ ответили громким пренебрежительным смехом. Незнакомец обнажил шпагу и продолжал: – Или вам придется поиграть со мной вот этой игрушкой, господа!

– Батюшки! – ответил принц. – Это дело мне очень подходит! Я уже давно не фехтовал и буду рад поразмяться.

– Простите, Анри, – сказал Ноэ, – начать с этим господином должен я!

– Нет, я, – ответил принц.

– Да ну же, поскорее! – нетерпеливо окрикнул незнакомец молодых людей. – Не спорьте, пожалуйста, хватит на вас обоих, мои задорные петушки! Меня зовут Рене Флорентинец, и должен предупредить вас, что я большой мастер шпаги!

– Ну, и я неплохой ученик, – ответил Генрих.

Флорентинец не лгал, когда назвал себя мастером шпаги, и с первых же моментов сын Жанны д'Альбрэ убедился в этом. Но на стороне Генриха была юная эластичность и подвижность тела, отчаянная храбрость и редкое присутствие духа. Кроме того, отец Генриха, король Антуан Бурбонский, научил его всевозможным итальянским штучкам, и попытки Рене поймать принца на миланские или флорентийские финты сразу потерпели крушение. Рене хотел вызвать своего противника на нападение, в котором легче уловить слабую сторону, но Генрих достаточно знал свои силы и упорно держался оборонительной тактики.

Фаворит королевы Екатерины начинал терять терпение – ведь каждая минута промедления все увеличивала расстояние между ним и женщиной, которую он так страстно хотел догнать, а потому, чтобы покончить со своим противником, он решился на знаменитую глассаду. Но Генрих знал от отца, что итальянские мастера шпаги всегда прибегают к этому резкому выпад, стремительность которого зачастую парализует все попытки противника парировать удар, а потому был настороже, и, в то время как шпага Флорентинца прямой молнией сверкнула в воздухе, он успел отклониться в сторону. Шпага Рене встретила пустое пространство, а в это время принц изо всех сил ударил его рукояткой шпаги по голове, прибавив:

– А вот и мой ответ на глассаду! Ответ недурен, не правда ли?

Итальянец глухо простонал и тяжело рухнул на землю.

Ноэ бросился к нему.

– Не беспокойся, милый мой, – сказал принц, в то время как Ноэ положил сраженному свою руку на сердце, чтобы уловить, бьется ли оно. – Он жив, потому что удар этого рода не убивает, а только оглушает. Он просто в обмороке и через какой-нибудь час придет в себя.

– Анри, – сказал Ноэ, – вы слышали его имя? Ведь это Рене Флорентинец, парфюмер королевы-матери, злодей, смерть которого была бы только угодна Богу!

– Если это так, то я жалею, что не убил его!

– Ну, время еще не потеряно...

– Что такое? – спросил принц.

– Достаточно ткнуть его шпагой... Это могу сделать я, если вы брезгуете...

– Ноэ, Ноэ! Прикончить лежачего?!

– Змею всегда надо приканчивать, раз ее встретишь.

– Возможно! Но змея, на которую наступаешь ногой, может ужалить в пятку, а человек в обмороке даже и этого не может!

– Анри, Анри, – сказал юный Амори де Ноэ, – у меня есть предчувствие, что этот человек сыграет страшную роль в вашей жизни, если вы не убьете его! Поверьте, когда-нибудь вы пожалеете, что не ткнули его шпагой в сердце!

– Ты с ума сошел, Ноэ!

– Нет, ваше высочество, нет! Слово завеса отдернулась предо мною, и я как бы читаю в будущем!

– В этом-то и заключается твоя ошибка! Гораздо лучше читать в прошлом, чем в будущем!

– Но почему?

– А потому, что в прошлом ты прочел бы, что меня зовут Генрихом Бурбонским, что я прямой потомок Людовика Святого и что я не из тех людей, которые добьют сами или позволят добить в своем присутствии беззащитного человека!

– Вы правы, – ответил Ноэ, поникнув головой. – Как досадно, что вы не уступили мне первой очереди драться с этим проклятым итальянцем!.. Уж я-то убил бы его!

– Однако гроза проходит, – заметил Генрих. – Едем, голубчик Ноэ! Голод страшно терзает меня!

Они вывели лошадей и помчались, оставив при дороге бесчувственного Рене.

– Мне очень хотелось бы знать, – задумчиво сказал Генрих, – кто была та женщина, которую преследовал этот негодяй. Она так ловко выбила его пистолетным выстрелом из седла! Но красива ли она? Молода ли? Вот что интригует меня!

– Анри, – смеясь, ответил Ноэ, – я хотел бы иметь под рукой гонца, которого можно было бы отправить в Наварру, чтобы передать прекрасной Коризандре, что принц Генрих...

– Да тише ты, несчастный! – остановил его Генрих, и они молча помчались дальше.

III

Под вечер следующего дня юный наваррский принц и его спутник отдыхали в жалкой бедной гостинице «Свидание волхвов», расположенной между Блуа и Божанси. Хозяин гостиницы потрошил у дверей довольно тощего гуся, хозяйка расставляла стол, служанка разводила огонь, а работник чистил скребницей лошадей наших героев, которые сами уселись верхом на большом бревне перед домом, беззастенчиво повернувшись спиной друг к другу. Амори читал какую-то книгу, Генрих Наваррский мечтал о чем-то.

– Черт возьми! – сказал он наконец, поворачиваясь к своему товарищу. – Какая у тебя жажда чтения, милый мой! А что именно ты читаешь, Амори?

– Последнюю книгу аббата Брантома «Жизнь дам, славных любовными делами»¹. Надо же как-нибудь убить время, тем более что ваше высочество с самого утра не снизили в разговоре со мной даже и до трех слов. Вот и надо было обойтись как-нибудь своими средствами!

– Независимость твоего характера мне очень нравится, но...

– Но ваше высочество решили снизить до разговора со мной?

– Как самый обыкновенный смертный! Видишь ли, милый мой, меня крайне интригует одно обстоятельство. Ты знаешь, что Коризандра дала мне письмо к своей подруге детства?

– Знаю. Ну и что же?

– А то, что я был бы очень не прочь узнать, что заключается в этом письме!

– К сожалению, оно перевязано хорошенькой шелковой тесемочкой, которая припечатана голубым воском, и было бы очень не деликатно вскрыть его!

– Ну вот еще! Раз оно написано женщиной, которая тебя любит и... Да и не в том, наконец, дело! Сам бы я не решился взломать печать, но... увы! – Генрих тяжело вздохнул. – Со мной случилось несчастье: сегодня утром я неосторожно оставил письма матери и Коризандры на солнце, было очень жарко, и... воск растаял и стек... Вот смотри!

– Солнце могло растопить воск, – возразил Ноэ, – но развязать узел?...

– Да, но...

– О, я заранее знаю, что вы хотите сказать, Анри. Узел можно потом и завязать опять! Если бы вопрос шел о письме вашей матушки, тогда другое дело, потому что тут только разница во времени: ее величество предписала вскрыть ее письмо по прибытии в Париж, а вы вскроете его немного раньше, только и всего. Но письмо графини де Граммон...

– Раз ты находишь, что это было бы дурно...

Генрих не закончил фразы, так как его внимание отвлек шум, послышавшийся с молчаливой и пустынной дороги. Действительно, к гостинице «Свидание волхвов» подъезжала группа из двух всадников и одной всадницы. Впереди ехал жирный старик, одетый в камзол коричневого сукна, в шляпе без пера и вооруженный аркебузой, подвязанной к его седлу. Все это явно указывало, что он не был дворянином. Сзади него ехал слуга с двумя большими чемоданами. Женщина, замыкавшая кортеж верхом на прелестной белой лошади, тоже была одета не по-дворянски, но казалась такой хорошенькой, несмотря на маску (в те времена женщины по большей части путешествовали в масках), была так изящна и тонка, так ловко сидела в седле, что можно было заподозрить в ней знатную даму, путешествовавшую инкогнито.

– Эй, хозяин! – крикнул горожанин, подъезжая к гостинице.

Трактирщик лениво поднял голову и безразличным тоном спросил:

– Что вам угодно?

¹ Пьер де Бурдейль, аббат и синьор де Брантом, был известным французским писателем XVI века (1527–1614), прославившимся, кроме указанного произведения, еще «Жизнеописанием великих военачальников». В этих произведениях автор дает очень верную и точную картину нравов своего времени, но наивное бесстыдство выражений, щекопливость затрагиваемых тем и непристойная трактовка последних делает их абсолютно нецензурными и неудобочитаемыми для нашего времени.

– Вот это мне нравится! – крикнул горожанин, соскакивая на землю. – Что мне угодно? Мне угодно поужинать и переночевать здесь.

Вместо ответа трактирщик красноречиво перевел взгляд на Генриха и Ноэ, как бы желая сказать этим, что, раз у него остановились знатные проезжие, он не очень-то дорожит какими-то там мещанишками.

– Эй, хозяин! – заметил ему Генрих. – Да ты никак отказываешься от лишней клиентуры?

– Уж простите, ваша милость, – ответил смущенный хозяин, – но я не рассчитывал, что будет сразу такая масса проезжих, а... – И вместо окончания фразы трактирщик поднял на воздух своего гуся.

– Понимаю! – сказал Генрих. – Этот гусь предназначен нам, и у тебя больше ничего нет. Ну так не велика беда! Мы поделимся гусем с этим господином! – И, повернувшись к незнакомцу, принц приветливо сказал: – Приглашаю вас, любезный, отужинать с нами!

Горожанин поклонился чуть не до земли и пробормотал несколько благодарственных слов. В это время и трактирщик быстро сменил небрежность на самую угодливую услужливость. Он подскочил к молодой женщине, помог ей сойти с седла и крикнул работнику:

– Живо, Нику! Сейчас же расседлать лошадей и дать им через четверть часа двойную порцию овса!

– Ваша милость! – залепетал тем временем горожанин, подходя ближе к принцу. – Я тронут вашей любезностью и вижу, что имею дело с представителем истинной аристократии! Какой-нибудь выскочка, дворянин с вчерашнего дня, нарочно постарался бы съесть гуся целиком!

– Господи, да о чем тут и говорить? – весело ответил Генрих. – Мы съедим гуся вместе и польем его лучшим вином, какое найдется у нашего хозяина!

– О, что касается вина, то у меня с собой мех такого сорта, что...

Но принц не слушал, как горожанин восхвалял достоинства захваченного в дорогу винного запаса. Словно зачарованный, смотрел он на незнакомку, которая, сняв маску, оказалась еще гораздо красивее, чем можно было ожидать по ее фигуре. Ей было лет двадцать пять. Лилейная белизна кожи счастливо оттеняла иссиня-черные волосы, пунцовые губы и голубые, немного печальные глаза. Когда она проходила мимо Генриха, последний так стремительно соскочил с бревна, так почтительно поклонился ей, что Ноэ не мог сдержать усмешки.

«Ого! – подумал он. – Еще сегодня утром принц уверял меня, что его неразговорчивость объясняется думами о Коризандре, ну а теперь... как знать?»

Тем временем горожанин приказал отвести им комнату, подошел к молодой даме, подал ей руку и увел в дом. Генрих мечтательно смотрел им вслед.

– Однако! – сказал Ноэ. – Что вы скажете об этой мещаночке, Анри?

– Она очаровательна, голубчик Ноэ!

– Не хуже Коризандры?

– Ну вот! – недовольно ответил принц, скандализированный подобным сравнением. – Я засмотрелся на нее просто потому, что мне пришла в голову странная мысль: не та ли это женщина, которую прошлой ночью преследовал Рене?

– Возможно, но ведь та была на черной лошади, а эта – на белой...

– Велика важность! Лошадь можно переменить... Но что-то в ее манерах, движениях говорит мне, что это она! Однако... Эй, ты там, поваришка! – крикнул он трактирщику. – Скоро ты покончишь со своей стряпней? Я голоден!

– Анри, Анри, – лукаво шепнул Ноэ, – готов держать пари, что вам не хочется ни есть, ни пить, а просто не терпится повидать поскорее вашу незнакомку!

– Да замолчи ты, глупый человек!

– И я нисколько не буду удивлен, если вы... «втюритесь» в нее, как говорит Брантом.

– Я люблю Коризандру! – пылко возразил принц.

– О, я верю, – ответил Ноэ с насмешливой улыбкой, – но в путешествии отсутствующая возлюбленная точно так же теряет свои права, как муж, уехавший на войну или на охоту!

– Ноэ, ты богохульствуешь! Ты отрицаешь любовь!

– Ничего подобного! Просто я философ, имеющий свои принципы!

– А в чем заключаются эти твои принципы?

– В том, что нет никакого греха снять ризу с иконы святого Петра, если хочешь надеть ризу на икону святого Павла!

– Не понимаю!

– Я говорю, подобно вашей бабке Маргарите Наваррской, языком притч. Риза – любовь, икона – женщина, которую обожаешь. И если риза всегда со мной, а в путешествии мне вместо святого Петра встретился святой Павел, то...

– Милый мой Ноэ, ты просто развращенный вольнодумец! Я отвергаю такие нечестивые принципы!

– Посмотрим, посмотрим! – насмешливо сказал Ноэ.

В этот момент в дверях появился хозяин; он почтительно доложил, что гусь шипит на вертеле, и попросил своих гостей в ожидании соблаговолить отдать честь матлоту из угря, тушеной турецкой свинине и остатку кабаньего окорока, не пренебрегая парой запыленных бутылок старого вина.

Как раз тут появился и горожанин с молодой женщиной. Генрих любезно подскочил к последней, подал ей руку и усадил на почетное место справа от себя.

Уселись за еду. Горожанин держал себя очень хорошо: он не говорил лишнего, хотя и не отмалчивался, был почтителен без низкопоклонства и угодливости, любезен без навязчивости. Молодая женщина, к которой он обращался на «вы», называя ее Саррой, тоже держалась прелестно: она очень мило отвечала на любезности и галантные шутки принца и его спутника, но при этом ее лицо становилось печальным.

Принц старался рядом ловких расспросов разузнать, кто такие его собеседники. Что старика звали Самуилом, это Генрих узнал из обращения к нему Сарры, но от каких-либо разъяснений Сарра и Самуил решительно уклонялись, ограничившись замечанием, что едут из Тура в Париж. Как только ужин кончился, Сарра ушла к себе в комнату, а Самуил отправился в соседнее помещение, где ему приготовили постель.

– Пойдем подышим свежим ночным воздухом! – сказал принц, увлекая Ноэ на улицу.

– Уж не собираетесь ли вы поговорить со мной о Коризандре?

– Ты все смеешься! – ответил Генрих.

– Ничуть не смеюсь. Просто мои предсказания сбываются, и вы уже «втюрнулись» в хорошенькую мещаночку.

– Ошибаешься! Меня просто интригует: кем она приходится этому горожанину? Дочерью, женой? И она ли именно та женщина, которую вчера преследовал Рене!

– Ну, все это не так-то легко узнать!

– Если это его дочь...

– Что тогда? – спросил Ноэ принца.

– В таком случае у него очень хорошая дочь, только и всего. Но если это – его жена... о, тогда...

– Ах, бедная Коризандра! – рассмеялся Ноэ.

– У тебя отвратительная манера издеваться! – воскликнул Генрих, кусая губы. – Так я же докажу тебе, что ты ошибаешься, и уйду спать!

Придя к себе в комнату и приказав подать лампу, Генрих не раздеваясь уселся на кровать и глубоко задумался, но не о Коризандре, а о прелестной незнакомке.

– Кажется, Ноэ прав! – пробормотал он. – Я готов забыть Коризандру... Нет, я вижу только одно средство оживить в своей душе ее образ – это вскрыть и прочесть ее письмо, адресованное к подруге детства!

IV

Генрих Наваррский развязал узел шелковой тесемки, развернул письмо Коризандры, подвинул лампу и прочел:

«Дорогая моя Сарра!»

Это имя заставило его вздрогнуть.

«Сарра! – подумал он. – Но ведь так же зовут прелестную незнакомку? Но нет, Коризандра вскользь упомянула, что ее подруга никогда не уезжает из Парижа, так что я наверное застану ее там. Следовательно, это – просто совпадение!»

Успокоив свои сомнения этим размышлением, он продолжал читать:

«Это письмо вручит тебе молодой дворянин мужественного вида и красивой наружности. Этого дворянина, который впервые отправляется в Париж, зовут Генрих Бурбонский, принц Наваррский. Но тебе он представится просто под именем Анри, и ты не должна и вида подавать, что знаешь о нем что-нибудь большее, так как по воле своей матери, королевы Жанны д'Альбрэ, он должен жить в Париже инкогнито. Мой юный принц храбр, смел, остроумен, порядочен, но... ему только двадцать лет! Понимаешь? Нет? Ну так я должна сделать тебе признание: я люблю его, и он любит (или воображает, что любит) меня. Он расстался со мной с самыми священными клятвами вечной любви... Но что такое клятвы двадцатилетнего ребенка? Их уносит первый встречный ветер...»

«Ба, да уж не предвидела ли Коризандра, что я встречу такую прелесть между Блуа и Божанси?» – подумал Генрих, прерывая чтение, а затем продолжал:

«А я очень ревнива, милая Сарра, и сердце сжимается у меня при мысли, что там, в Париже, другая полонит его сердце! Вот поэтому-то я и обращаюсь к тебе, милочка Сарра, поручая тебе своего Анри. Вот что мне пришло в голову. Хотя мы и не видались с тобой пять лет, с тех пор как ты вышла замуж за Лорьо, но я уверена, что ты по-прежнему красива, если только не стала еще лучше. Наверное, большая толпа воздыхателей бродит с наступлением вечера около твоего дома. Ну так пусть же вместе с Анри одним воздыхателем станет больше! Если Анри увидит тебя, он сейчас же влюбится в тебя. Но ты так же красива, как и добродетельна, а к тому же крепко любишь меня. Поэтому ты будешь просто кокетничать с ним, разжигая его страсть, откладывая решительный шаг со дня на день. В пылу увлечения Анри не станет обращать внимания на других женщин и таким образом уцелеет для меня вплоть до своего возвращения домой, где я заставлю его поплатиться за попытки изменить мне! Вот та просьба, которую я имею к тебе, дорогая моя Сарра! До свидания! Вспомни наше милое детство в замке моего отца и продолжай по-прежнему любить меня! Я вкладываю в это письмо еще записочку к твоему старому мужу, который, надеюсь, в случае необходимости предоставит свой кошелек к услугам моего Анри. Еще раз всего хорошего.

Твоя Коризандра».

– Черт возьми! – воскликнул Генрих Наваррский, окончив чтение письма. – Да ведь эта Коризандра просто чудовище! Какое вероломство! Войдите! – крикнул он, услышав, что в дверь стучатся. – А, вот и ты! – сказал принц, увидев Ноэ.

– Господи! – почтительно ответил юный насмешник. – Надеюсь, что Коризандра не поссорила нас и что...

– Коризандра – предательница! – перебил Генрих. – Читай! – прибавил он, протягивая письмо Ноэ.

Последний взял письмо в руки и принялся читать его у лампы. Ни звука, ни восклицания не вырвалось у него как во время чтения, так и по окончании письма.

– Ну, что ты скажешь? – спросил принц.

– Скажу, что графиня очень ловкая женщина, – спокойно ответил Ноэ.

– И что бы ты сделал на моем месте?

– Прежде всего я опять бы завязал тесемку письма!

– Ну а потом?

– Приехав в Париж, я снес бы письмо по адресу, притворился бы влюбленным в красотку-еврейку и сделал бы ее своей возлюбленной. Таким образом я наказал бы обеих подруг, затеявших такое предательство!

– Все это хорошо, – возразил принц, – но на это нужно время, а мы ведь не знаем, сколько времени нам предстоит жить в Париже и куда мы должны будем отправиться оттуда.

– Но ведь у вас имеется с собой письмо, в котором написаны все инструкции ее величества?

– Это письмо должно быть вскрыто только в Париже!

– А письмо графини вообще не должно быть вскрыто – вами по крайней мере! – заметил Ноэ.

– Ты прав! – сказал принц. – Так давай же познакомимся здесь с содержанием матушкиного письма!

Они вскрыли пакет, достали письмо и прочли следующее:

«Дорогой мой сын! Я не хотела заранее открыть Вам цель Вашего путешествия из боязни, чтобы роковая любовь, привязывающая Вас к графине де Граммон – женщине, красота которой не равняется ее нравственности, – не помешала бы Вам подчиниться моей воле. Но я надеюсь, что по приезде в Париж Вы образумитесь и вспомните об обязанностях будущего короля по отношению к своему народу! В то время как Вы ухаживали за Коризандрой, король Карл IX, наш кузен, вел со мной переговоры относительно Вашего брака с его сестрой Маргаритой де Франс. Вот по поводу этого-то брака я и посылаю Вас в Париж. Но я боюсь мести и интриг королевы Екатерины, а между тем Вам следует сначала лично убедиться, подходит ли Вам в жены принцесса Маргарита. С этой целью по приезде в Париж Вы отправитесь в Лувр и добьетесь возможности переговорить с господином де Пибраком, капитаном лейб-гвардии его величества короля Карла IX. Вы покажете Пибраку кольцо, полученное Вами от меня, и Пибрак сейчас же будет к Вашим услугам. Он представит Вас ко двору в качестве беарнского дворянина, и Вы получите возможность присмотреться к принцессе Маргарите, а так как она очень красива, то Вы скоро забудете об этой интриганке Коризандре. В заключение прибавлю еще, что Вы должны всецело полагаться на Пибрака, которому я дала свои инструкции. Берегитесь также дать заподозрить в себе что-либо иное, кроме бедного беарнского дворянина, мощна которого не отличается толщиной!»

– Ну-с, Ноэ, что ты думаешь об этом? – спросил Генрих, немало удивленный прочитанным.

– Я думаю, – ответил Ноэ, – что ее величество совершенно права, желая женить вас, но... я не думаю, чтобы принцесса Маргарита была как раз той женой, которую вам нужно!

– Но почему же? Разве она некрасива?

– Наоборот, говорят, что она красива на редкость.

– Так она зла, быть может?

– Наоборот, она чересчур добра, так добра, что никому ни в чем не может отказать, и говорят...

– Говорят?

– Ну, мало ли что говорят! – резко оборвал Ноэ. – То, что говорят, меня мало касается. Главное то, что она католичка, а вы гугенот, и мало добра, когда жена отправляется на мессу, а муж – на проповедь! ²

– Все это правда, Ноэ! – задумчиво ответил принц.

– Но с другой стороны, – продолжал Амори, – ваша матушка слишком искусна в политических вопросах, чтобы не учесть заранее тех возражений, которые мы только что сделали. Следовательно, у нее имеются достаточные основания желать этого брака, и на вашем месте я без дальнейших размышлений последовал бы всем предписаниям ее величества, а пока, не думая ни о принцессе Маргарите, ни о графине Коризандре, улгся бы спать!

Сказав это, Ноэ тут же улгся в постель, и не прошло и четверти часа, как он спал глубоким сном.

Принц потушил лампу, но спать не мог: его продолжал мучить вопрос – жена или дочь этого старика прекрасная Сарра.

Среди этих размышлений он услышал какой-то шум на улице. Похоже было, что к гостинице подбегает большой конный отряд. Подчиняясь охватившему его любопытству, Генрих встал и прижался лицом к вырезу в ставне.

Действительно, он увидел отряд всадников, спешившихся около гостиницы. Один из них подошел к дверям и постучался; хозяин открыл ему, и посетитель исчез в дверях.

В то же время Генрих Наваррский увидел на полу у своей кровати луч света и явственно расслышал голос трактирщика. Так как комната принца находилась как раз над кухней, то Генрих понял, что хозяин зажег лампу, чтобы встретить таинственного посетителя. Тогда Генрих осторожно лег на пол и заглянул в щель, через которую проходил свет. Он увидел, что трактирщик вполголоса говорил с человеком, которого принц сейчас же узнал. Это был Рене Флорентинец.

«Ого! – подумал принц. – Кажется, я сделаю лучше, если разбужу Ноэ! Весьма возможно, что скоро придется пустить в ход оружие!»

² Нам придется еще раз встретиться с этим противопоставлением мессы (т. е. католической обедни) и проповеди. Так, например, противники гугенотов будут кричать: «Да здравствует месса, долой проповедь!» Поэтому скажем теперь несколько слов о том, что означало это выражение. У католиков, равно как и у православных, богослужение совершается по заранее установленному чину и проповедь не является обязательной частью службы. Наоборот, у протестантов (гугенотов) проповедь является главной частью богослужения, для которого не существует никакого определенного чина. Таким образом и произошло, что под наименованиями «месса» и «проповедь» на самом деле понимались католическая и протестантская религии.

V

Принц подошел к кровати Ноэ и тронул его за плечо.

– Кто тут? – спросил Ноэ, вскакивая с постели.

– Тише! Это я, – шепнул Генрих. – Встань без шума и иди со мной!

Не совсем еще проснувшись и не совсем понимая, в чем дело, Ноэ тем не менее повиновался. Когда же Генрих знаком предложил ему заглянуть в щелку, он увидел, что парфюмер королевы Екатерины Медичи Рене Флорентинец сидит в кухне на скамейке, а перед ним с лампой в руках стоит трактирщик.

– Вы не знаете меня? – спросил итальянец.

– Нет, ваша милость.

– Но вам приходилось слышать о королеве Екатерине Медичи?

– Ах, Господи Иисусе Христе! – вскрикнул трактирщик, кланяясь с выражением величайшего почтения.

– Читать умеете? Да? – продолжал итальянец. – Так прочтите вот это! – И с этими словами Рене развернул перед глазами трактирщика кусок пергамента, на котором было написано: «Предписывается давать предъявителю сего свободный пропуск повсюду и в случае необходимости оказывать ему полное содействие. Екатерина». – Теперь отвечай мне! – продолжал Рене. – Остановился у тебя сегодня кто-нибудь?

– Да, у меня пять постояльцев, ваша честь.

– А среди них нет ли молодой красивой женщины, путешествующей с двумя мужчинами?

– Да, ваша честь, с горожанином и слугой.

– А еще кто стоит у тебя?

– Два молодых дворянина, как видно, приехавших издалека.

– Ах так! – воскликнул Рене, и его глаза загорелись угрозой. – Ну-ка опиши мне, каковы они собою?

Трактирщик дал соответствующее описание.

– Это они! – сказал тогда Рене. – Где они спят?

– В первом этаже.

– А дама?

– В комнате рядом.

– Она одна там?

– Да, но толстый горожанин спит в соседней комнате.

– А слуги?

– В конюшне с конюхом.

– Отлично! – сказал Рене. – А теперь скажи мне еще следующее: очень ли дорожишь ты своей шкурой? Если да и если тебе не очень-то по нутру висеть на одном из ближайших к дому деревьев, то рекомендую тебе разбудить жену и детей, если этот товар у тебя водится, и увести их куда-нибудь подальше от дома. Ночь прекрасна, и вам не грозит простуда, даже если вы доспите на свежем воздухе!

– Но помилуйте, ваша честь, ведь вы прогоняете меня из моего собственного дома! – испуганно пролепетал трактирщик.

– Отнюдь нет! Я просто предлагаю тебе временно покинуть его, а с восходом солнца ты можешь снова вернуться сюда. Ты кажешься мне добрым парнем, и я прикажу моим людям не поджигать твоей гостиницы!

– Но что же вы сами будете делать здесь?

– А это уж мое дело. Только на прощанье дам тебе добрый совет: если по возвращении домой ты найдешь четыре трупа, то сейчас же вырой яму в саду и закопай их туда.

– Но... полиция...

– Полиция ровно ничего не узнает, а если узнает, то шепни ей мое имя. Меня зовут Рене Флорентинец!

Должно быть, это имя было хорошо знакомо трактирщику, так как на его лице сейчас же отразился сильный испуг.

Между тем фаворит королевы-матери встал и прибавил:

– А теперь поторапливайся и улепетьвай без оглядки!

Сказав это, он повернулся и направился к дверям, чтобы выйти к ожидавшему его конному отряду. Но не успел он взяться за ручку двери, как на лестнице показался человек с аркебузой в руках, направленной прямо на Рене. Последний от неожиданности выпустил из рук дверную скобу, а человек с аркебузой – это был Генрих Наваррский – сделал три шага по направлению к Рене и сказал:

– Если ты сделаешь хоть одно движение, я убью тебя, как собаку!

У Рене Флорентинца были шпага и кинжал, но у него не было огнестрельного оружия, а он уже достаточно знал теперь своего противника, чтобы не сомневаться в способности того сделать так, как он говорил.

Не опуская дула аркебузы, принц сказал:

– Ноэ, друг мой, подойди к этому господину!

– Ну-с, что надо сделать с этим парфюмером? – насмешливо спросил Ноэ, исполняя приказание принца.

– Прежде всего отобрать у него шпагу!

– Ладно! – ответил Ноэ и продолжал, обращаясь к парфюмеру: – Надо признаться, что для фаворита королевы Екатерины вы не очень-то ловки! Вот уже во второй раз вы попадаетесь в наши руки, словно мышь в мышеловку. Ну-ка отдайте мне добровольно свою шпагу!

Рене бешеным жестом отказался последовать приказанию Ноэ.

– Ноэ, отойди в сторону, я стреляю! – крикнул принц.

Флорентинец побелел от злости, но скрестил руки. Ноэ отстегнул его шпагу, затем кинжал, после чего, по требованию принца, приступил к форменному обыску парфюмера. Он обнаружил толстый кошелек и кусок исписанного пергамента. Увидев все это, принц сказал:

– Эй, трактирщик, возьми себе этот кошелек! Барин забыл заплатить тебе за право убить нас и похитить барыню. Да бери же, болван! – нетерпеливо крикнул он, видя нерешительность трактирщика. – Очень возможно, что этому господину вскоре ровно ничего не понадобится. Да принеси нам хорошую веревку!

Трактирщик принес веревку, на которой сушили белье.

Тогда принц обратился к Рене:

– Мы не собираемся убивать вас, если только вы не сделаете попытки крикнуть. Поэтому дайте спокойно связать вас. Но при первом же крике я прострелю вам голову и отправлю торговать своими маслами и косметиками к самому Сатане!

По знаку принца Ноэ и трактирщик навалились на Рене и быстро скрутили его по рукам и ногам, а затем засунули ему в рот платок.

– А теперь, – сказал принц трактирщику, – ты отнесешь его в погреб и оставишь полежать там некоторое время, ну хоть до завтрашнего вечера, например.

В те времена ход в погреб шел прямо из кухни. Аркебуза принца творила чудеса, и, посматривая на дуло страшного оружия, трактирщик живо взвалил на себя парфюмера и поволок его в погреб.

– Все это очень хорошо, но... вооруженные люди все еще стоят при дороге. Когда они заметят, что их вождя долго нет, они взломают двери, и нам двоим не удастся долго продержаться против них.

– Мне пришла в голову мысль, – сказал Ноэ. – В то время как вы отправитесь будить горожанина и даму...

– Даму – да, но горожанина? Он-то на что? – заметил принц.

– Ах, Анри, – укоризненно сказал Ноэ, – вы караете Рене и сами хотите подражать ему?

– Ну да ладно, ладно! – ответил принц, закусив губы. – Я разбужу горожанина и его даму.

Ну а дальше что?

– В гостинице два выхода: один на дорогу, другой на задний двор и сад. Я рассмотрел все это еще днем. Мы отлично можем сесть на лошадей на заднем дворе и отправиться тропинкой, которая выведет нас на дорогу, но вдали от опасного места.

– Ну а вооруженные люди перед гостиницей?

– Это уж предоставьте мне, я с ними справлюсь, – холодно отозвался Ноэ. – Ступайте будить горожанина и его даму!

Генрих ушел.

В это самое время и трактирщик показался из подвала.

– Друг мой, – сказал ему Ноэ, – на улице стоят человек тридцать вооруженных всадников. Через час они начнут беспокоиться, почему их начальник не возвращается, и, заподозрив что-нибудь худое, подожгут гостиницу, а тебя с семьей повесят на ближних ивах!

– Боже мой! Да я погибший человек! – пролепетал испуганный трактирщик.

– Нет, ты не погибнешь, если сделаешь то, что я скажу тебе. Ты подойдешь к всадникам и скажешь им: «Вы ждете здесь господина Рене Флорентинца?» Они скажут, что да. «Ну так вот в чем дело, – подмигивая, скажешь ты. – В эту ночь в вашей помощи надобности не будет. Дама вняла мольбам вашего барина, и он приказывает вам ждать его в Орлеане. А вот эти тридцать пистолей он посылает вам на выпивку».

Сказав это, Ноэ опорожнил кошелек, вынутый у итальянца при обыске, отсчитал тридцать пистолей, положил их обратно в кошелек и сказал:

– Если ты передашь им деньги в кошельке их барина, то им и в голову не придет никаких сомнений. Но помни: если ты замыслишь предательство, то я подожгу твой дом и прострелю голову твоей жене!

Тем временем Генрих поднялся в первый этаж и принялся стучаться в комнату молодой женщины.

– Кто тут? – дрожащим голосом спросила она.

– Отворите, речь идет о вашей жизни! – ответил принц.

Молодая женщина открыла дверь и показалась полуодетой на пороге. В то же время дверь соседней комнаты открылась и появилась фигура перепуганного горожанина.

– Что еще обрушивается на меня? – воскликнула женщина.

– Не преследовал ли вас прошлой ночью кто-нибудь по дороге из Тура в Блуа? – спросил Генрих.

– Да! – бледнея, ответила Сарра.

– Ну так этот человек все еще продолжает вас преследовать; дом окружен его людьми, и, не заметь мы этого, вы погибли бы. Теперь одевайтесь поскорее, не теряйте ни минуты. Я сейчас выведу лошадей, и мы скроемся задами.

Действительно, через четверть часа горожанин, молодая женщина и их слуга садились на лошадей, чтобы отправиться в путь. Горожанин рассыпался в выражениях благодарности и клялся, что никогда не забудет услуги, оказанной ему молодыми людьми. Но когда Генрих предложил ему проводить его до ближайшего города, горожанин ничего не ответил и поспешил уехать.

– Так-с, – пробормотал принц, – теперь я знаю: это – ее муж!

– Который очень ревнив! – добавил Ноэ.

VI

Через три дня после этого приключения Генрих Наваррский и его спутник проходили по мосту Святого Михаила в Париже. Подобно всем парижским мостам того времени, мост Святого Михаила был сплошь усеян лавочками, вывески которых заманчиво говорили о всяких прелестях. Но одна из этих вывесок обратила особенное внимание наших путешественников. Она гласила: «Рене, прозванный Флорентинцем, тосканский дворянин и парфюмер ее величества королевы Екатерины Медичи».

– Как вы думаете, Анри, – сказал Ноэ, – не заглянуть ли нам в эту лавочку? О, не делайте таких удивленных глаз! Во-первых, интересно узнать, вернулся ли итальянец из своего неудачного путешествия, а во-вторых, о мазях и притираниях Рене говорят столько чудес, что я охотно оставлю у него на прилавке золотую монетку!

В лавке, куда они вошли, их встретил юноша лет шестнадцати очень странного вида. Он поражал какой-то бесцветностью, хрупкостью, таинственной грустью.

– Чем могу служить вашей чести? – вежливо спросил он.

– Мы хотим купить кое-что, а кстати и поздороваться с мессиром Рене, – ответил Ноэ.

– А, так вы его знаете? – вздрогнув, спросил приказчик.

– Господи, да мы его лучшие друзья! – ответил Генрих.

– К сожалению, мессира нет дома.

– Он, верно, в Лувре?

– Нет, мессир Рене отправился в деловую поездку.

– А когда его ждут?

– Да мы его ждем уже третий день, и синьорина Паола, его дочь, уже начинает сильно беспокоиться.

Не успел приказчик договорить последнюю фразу, как дверь в глубине лавки открылась и на пороге показалась сама синьорина Паола, дочь Рене Флорентинца.

Это была жгучая красавица, мимо которой нельзя было пройти, не заметив ее. Но ее красота, если и могла увлечь, все-таки производила неприятное, мрачное впечатление: уж слишком много дикой энергии, решительности, вызова было во всей ее фигуре, а лицо, сильно напоминавшее лицо Рене, говорило о жестокости и необузданности. В манерах Паолы тоже было много надменности и честолюбия.

Да, честолюбие было не последней чертой в характере прекрасной Паолы. С детства она мечтала о том, что благодаря влиятельному положению отца будет в состоянии сделать хорошую партию и играть выдающуюся роль при дворе. Но по непонятному ей капризу Рене и слышать не хотел о каких-либо брачных проектах и всеми силами изолировал дочь от возможных встреч и разговоров с придворными щеголями. Девушка скучала, томилась, но воля отца была непреклонной, и в присутствии самого Рене Паола никогда не смела переступить порог лавочки, если там был какой-нибудь покупатель. Отсутствие отца придало ей смелости – вот почему она вышла к нашим героям.

Впечатление, произведенное Паолой и Ноэ друг на друга, было обоюдно выгодным. Ноэ подумал, что девушка красива на редкость, а Паола решила, что Ноэ удивительно шикарный кавалер. Поэтому она слегка покраснела, когда Ноэ учтиво обратился к ней со следующими словами:

– Красавица, примите привет от провинциальных дворян, которые впервые попали в Париж и с первых шагов встречают в вашем лице такого ангела небесного!

– По вашим манерам не скажешь, что вы из провинции, – ответила Паола, вспыхнув от удовольствия. – Но если вы в первый раз приехали в Париж, то откуда вы знаете моего отца, как вы только что упомянули?

– Мы познакомились с ним на дороге между Блуа и Орлеаном, – ответил Ноэ.

Юный Амори не привык терять время даром, а потому тут же принялся ковать железо, пока оно горячо, и, в то время как Генрих выбирал духи и притирания, успел шепнуть девушке, что она рождена не для лавочки, а для придворного блеска, что ее красота могла бы соблазнить даже святого, и многое другое в том же изысканном роде.

Он долго пролюбезничал бы с красавицей-итальянкой, если бы Генрих не окрикнул его:

– Ну, Ноэ, я купил все, что нужно. Пойдем?

– Прекрасная! – сказал Ноэ. – Соболаговолите передать вашему батюшке мой нижайший привет!

– С удовольствием, мессир, – ответила девушка. – А могу ли я узнать ваше имя?

– Ноэ, беарнский дворянин! Буду очень благодарен вам, если вы передадите мой привет своему батюшке, хотя... – тут Амори де Ноэ бросил на девушку убийственный взгляд, – хотя я с удовольствием зашел бы сам, если бы знал, когда буду иметь возможность застать его!

– Отец бывает дома каждый вечер. Приходите, как только будет дан сигнал к тушению огня³, и вы непременно застанете его.

Ноэ откланялся, взял под руку своего царственного друга, кинул последний взгляд на прекрасную флорентийку и вышел из лавки, говоря Генриху:

– Пойдемте в Лувр. Господин Пибрак, наверное, будет удивлен нашим посещением!

Когда молодые люди ушли, Паола повернулась, чтобы скрыться в комнаты. Но приказчик удержал ее, сказав:

– Синьорина, вы опять нарушили приказ батюшки!

– Тебе-то какое дело, Годольфин! – надменно ответила она.

– Мне дано приказание следить за вами...

– А, так ты разыгрываешь подле меня низкую роль шпиона? – крикнула Паола. – Ты доносишь ему о каждом моем слове и поступке?

При виде разгневанного лица Паолы Годольфин, побледневший еще больше, упал пред ней на колени и с рыданием крикнул, простирая к ней руки:

– О, прости меня, Паола! Прости меня!

– Ты грязный урод, безродный проходимец, подлый лакеишка... – продолжала неистовствовать Паола.

При последнем ее слове Годольфин встал с колен и твердо перебил ее, сказав:

– Я не лакей, Паола, я служащий!

– Ты лакей, потому что мой отец подобрал тебя черт знает где и взял к себе в услужение. Но это неважно!.. Помни одно: если ты не откажешься от мысли шпионить за мной, я подыщу себе какого-нибудь дворянина, который переломает тебе кости так, что впору будет сделать из тебя паштет для собак короля Карла! – И, окинув Годольфина надменным взглядом, Паола вышла из комнаты.

Юноша упал головой на прилавок и с бешенством прошептал:

– О, я ненавижу и люблю ее!.. Я хотел бы убить ее и... отдал бы жизнь за один ее поцелуй!

³ Одной из противопожарных мер доброго старого времени было ограничение часов, когда можно было зажигать огни. В определенный час ударяли в колокол, и после этого сигнала никто не имел права держать дома огонь. Нечего говорить, что это правило было действительно только для низших, а никак не для высших слоев населения.

VII

Тем временем Генрих Наваррский и Ноэ сошли с моста и направились по правому берегу Сены.

– Так что же? – спросил Генрих. – Пойдем мы в Лувр?

– Мне кажется, что это будет очень разумно, – ответил Ноэ, – тем более что...

– Но ты забываешь, что у меня имеется письмо от Коризандры к госпоже Лорьо! – нетерпеливо перебил его принц.

– Те-те-те! – насмешливо протянул Ноэ. – А я-то думал, что Коризандра предательница и что ваше величество изволит питать к ней настолько неприязненные чувства...

– Я не люблю больше Коризандры, – ответил Генрих, – я отомщу ей за ее предательство по твоему же совету, дружище!

– То есть совратив с пути истинного ее приятельницу-ювелиршу? Ну а вернувшись обратно домой, вы смиренно отправитесь к графине и будете клясться ей...

– Постой, милый мой! – перебил его принц. – Да ты, кажется, собираешься читать мне мораль? Ну так и я могу спросить тебя: о каких это важных делах ты шептался с дочерью чудовища Рене?

– О том, что она очень красива. Да, Анри, она очень красива, и я с удовольствием стану другом ее сердца!

– Да ведь это очень опасно, Ноэ!

– Но вы же сами говорили, что любовь без опасностей пресна!

– Благоразумие покинуло тебя, Ноэ, – укоризненно ответил Генрих. – Еще недавно ты упрекал меня в неблагоразумии, а теперь сам...

– Да ведь я-то совсем другое дело! Я ведь не принц, приехавший в Париж, чтобы...

– Тише ты! – остановил его Генрих. – Ну-с, куда мы пойдем?

– В Лувр, если вам угодно!

– Ну, так мне угодно отправиться сначала на Медвежью улицу, где живет госпожа Лорьо! – решительно заявил принц.

Через некоторое время они пришли на Медвежью улицу. Счастье благоприятствовало им: первый человек, к которому они обратились с вопросом, где здесь лавка Лорьо, оказался приказчиком ювелира, Вильгельмом Верконсином, и предупредительно вызвался проводить их, особенно когда узнал, что у незнакомцев имеется письмо от графини де Граммон, подруги детства его хозяйки.

Дом, в котором жили Лорьо, был одноэтажным особнячком. Стены отличались солидной толщиной, окна были заграждены толстыми железными решетками, окованная железом дубовая дверь постоянно оставалась запертой, и, прежде чем впустить гостя, его оглядывали через маленькое оконце.

На стук Верконсина в оконце появилось лицо старого еврея.

– Это я, дедушка Иов, – сказал Вильгельм Верконсин, – со мной двое господ, которые желают видеть барыню.

– Барина нет дома! – буркнул еврей, подозрительно осматривая наших героев.

– Дорогой господин Иов, – нежно сказал Генрих, – нам не нужно вашего барина, так как мы пришли не за деньгами и не собираемся ни занимать, ни закладывать. У нас письмо к госпоже Лорьо от графини Коризандры де Граммон!

– А, это другое дело! – ответил Иов и сейчас же принялся отодвигать бесчисленные засовы и откидывать крючки.

Наконец дверь открылась, и молодые люди вошли в мрачную, темную прихожую. Перед ними была винтовая лестница, ведущая наверх, налево была дверь в мастерскую.

Тщательно заперев входную дверь, старик Иов обратился к молодым людям с униженными поклонами:

– Не соблаговолит ли ваша честь вручить мне письмо графини де Граммон? Я очень извиняюсь, – поспешно сказал он, заметив нетерпеливое движение Генриха, – но госпожа Лорьо никогда никого не принимает без доклада!

Генрих отдал ему письмо, и старик ушел.

– Неужели Лорьо так боится за свои сокровища? – спросил Ноэ.

– О нет, – ответил юный Верконсин, – он не держит дома больших сумм. Просто он ревнив!

В этот момент старый Иов вернулся и с новыми униженными поклонами пригласил молодых людей следовать за ним. Они прошли через мастерскую и остановились на пороге комнаты, убранной с чисто восточной роскошью. Можно было подумать, что это не салон ничтожной мещаночки, а будуар какой-нибудь принцессы.

На венецианской кушетке лежала женщина, перечитывавшая письмо Коризандры. При входе принца она подняла голову, и Генрих увидел перед собой ту самую женщину, которую он и Ноэ еще недавно вырвали из рук Рене Флорентинца.

– Так это вы... вы? – удивленно сказал принц. – Подумать только, что всего два дня тому назад я, не зная этого, сидел за одним столом с подругой Коризандры!

– А я, могла ли я думать, – сильно покраснев, ответила молодая женщина, – что моим спасителем был принц...

– Осторожнее! – остановил ее Генрих. – В Париже меня зовут просто сир де Коарасс!⁴

Обменявшись первыми приветствиями, Генрих уселся подле прекрасной Сарры, тогда как Ноэ сел в стороне от них. Лорьо заговорила опять:

– Я уже давно не видела милой Коризандры, по крайней мере года четыре. Ее отец был моим благодетелем и заменил мне отца. Я выросла под его кровлей, и Коризандра звала меня своей сестрой...

– В таком случае вы должны любить ее так же сильно, как она любит вас, – заметил Ноэ, вкладывая в эти простые слова особый смысл, ускользнувший от Сарры, но не от принца, которого они заставили вспомнить предательское письмо графини.

А ювелирша продолжала:

– Мой муж, Самуил Лорьо, – сын еврея-выкреста, выросшего во владениях сира Андуэна, отца графини. В трудный момент старик Лорьо предоставил все свое состояние в пользование сира Андуэна. Последний выдал меня замуж за его сына.

– Вы кажетесь счастливейшей и наиболее любимой женщиной на свете! – сказал принц, которого мало интересовала генеалогия господ Лорьо.

В ответ на фразу принца Сарра с видимым трудом подавила тяжелый вздох и ничего не сказала.

«Отлично! – подумал Ноэ. – Письмо Коризандры уже произвело свое действие: красотка вытащила первые орудия на окопы и собирается вести атаку на сердце принца в качестве жертвы грубого, ревнивого мужа».

– Коризандра, – продолжал принц, который не догадывался о скептических соображениях своего друга, – очень любит господина Лорьо.

– Да, – ответила Сарра, – мой муж всегда внушал графине большое доверие! – И, сказав это, она еще раз глубоко вздохнула.

Воцарилось короткое молчание, во время которого Сарра бросила беспокойный взгляд на песочные часы.

⁴ Замок, принадлежавший семье Генриха, который провел там свое детство.

«Гм!.. – подумал Ноэ. – Выходит так, будто наш визит оказался очень несвоевременным! Нет, решительно у этой женщины имеется любовник, и она ожидает его прихода!» – мысленно воскликнул он, уловив новый взгляд хозяйки, брошенный на часы.

Принц не замечал, насколько Сарра Лорьо казалась встревоженной и обеспокоенной. Он продолжал говорить о Коризандре, о счастливой случайности, позволившей ему прийти на помощь Сарре в трудную минуту. Но с каждой минутой хозяйка становилась все молчаливее и все упорнее смотрела на часы. Ноэ решил прийти ей на помощь.

– Послушайте-ка, Анри, – сказал он, – не забудьте, что с наступлением вечера очень трудно пробраться в Лувр, а часы бегут! – И с этими словами он решительно встал.

Теперь уж принц глубоко вздохнул и взглянул на Сарру; последняя поспешила сказать ему:

– Завтра мой муж будет у вас с визитом!

– Отлично! – рассмеялся принц. – Но мне-то будет позволено еще раз наведаться к вам?

– Ах, ваше высочество! – сказала ювелирша тоном, в котором упрек смешивался с явной насмешкой. – Вы забыли Коризандру, которая так любит вас!

– Нет, – ответил принц, покраснев и потупясь.

Он хотел взять Сарру за руку, но молодая женщина быстро схватила молоточек из черного дерева и ударила им по серебряному колокольчику, стоявшему на столе около нее. На звон явился старый Иов, хозяйка знаком приказала ему проводить гостей.

VIII

Молодые люди молчаливо направились по Медвежьей улице и, свернув на улицу Святого Дионисия, дошли до Сены, по правому берегу которой и направились к Лувру.

– Пибрак видел меня ребенком, – задумчиво сказал Генрих, – готов держать пари, что он сразу узнает меня!

– Это очень возможно, – ответил Ноэ, – но надо постараться, чтобы он отнюдь не узнал вас с первого взгляда. Ведь у него может вырваться какое-нибудь неосторожное слово, которое сразу обнаружит ваше инкогнито.

– Ты прав! – согласился принц.

– А поэтому будет лучше, – продолжал Ноэ, – если я отправлюсь в Лувр один. Я повидаю Пибрака и предупрежу его.

– Отлично, – сказал принц. – Ну а я в таком случае подожду тебя здесь! – И он указал на кабачок, вывеска которого гласила: «Свидание беарнцев».

В этом кабачке было пусто, только два ландскнехта играли в кости за грязным, засаленным столом. Когда принц вошел, его встретила на пороге хорошенькая девушка лет двадцати в беарнском чепчике. Она спросила:

– Чем прикажете служить вам, благородный господин?

Юный принц знал, как сладко звучит родной язык в ушах тех, кто живет вдали от родины. Поэтому он ответил по-беарнски:

– Чем угодно, прелестное дитя мое!

Девушка вздрогнула, покраснела от удовольствия и крикнула:

– Эй, дядя, земляк!

На этот крик из глубины зала выбежал маленький человек лет пятидесяти. Протягивая руку принцу, он спросил:

– Вы беарнец?

– Да, хозяин. Я из По.

– Черт возьми! – крикнул трактирщик. – Здесь, в Париже, все земляки – братья мне! По рукам! Эй, Миетта! – обратился он к девушке в красной юбке, продолжая говорить на родном языке. – Принеси-ка нам бутылочку того доброго кларета, который стоит там в углу... Знаешь?

– Еще бы! – смеясь, ответила девушка. – Того самого, которого не полагается ландскнехтам!

– Так же, как и швейцарцам, французам и прочей нечисти, – добавил трактирщик, подводя принца к столику и без церемоний усаживаясь против него. – Простите меня, – продолжал он, – я отлично вижу, что вы – дворянин, тогда как я простой кабатчик. Но в нашей стране дворяне не кичливы, не так ли?

– И все порядочные люди одного происхождения! – ответил принц, крепко пожимая руку трактирщика.

– Странное дело, – сказал последний, в то время как Миетта расставляла на столе оловянные кружки и запыленную бутылку с длинным горлышком, – чем больше я смотрю на вас... Надо вам сказать, что в молодости я пас стада в Пиренеях поблизости от Коарасса и нередко встречал красивого дворянина... Ну а другого такого пойдика-ка сыщи!.. Это было лет двадцать тому назад, но я мог бы подумать, что это вы сами и были, если бы...

– А кто же был этот дворянин? – спросил Генрих, который при первых словах трактирщика вздрогнул, а теперь улыбался, овладев собой.

– О, это был большой барин... – При этих словах кабатчик случайно взглянул на правую руку принца и сейчас же встал, почтительно снимая свой берет. – Хотя ваша честь и одета в

камзол грубого сукна, словно мелкопоместный дворянин, – продолжал он, – но... это ничего не значит!

Принц беспокойно оглянулся на ландскнехтов, которые продолжали спокойно играть в кости.

Кабатчик, очевидно, понял этот взгляд, потому что сейчас же надел свой берет и снова уселся на место.

– У этого барина было на пальце кольцо, – продолжал он на беарнском наречии. – Однажды в дождь он укрылся в нашей хижине. Вот он и показал это кольцо мне и моему отцу, сказав: «Друзья мои, посмотрите на это кольцо. Я сниму его, только умирая, и тогда отдам сыну. Пусть же всякий житель Гаскони и Наварры признает его по этому кольцу!» – Того барина звали Антуан Бурбонский, ну а так как я запомнил кольцо и вижу его вот на этом самом пальце...

– Молчи, несчастный! – шепнул принц. – Ты узнал меня, это хорошо, но... молчи!

В это время ландскнехты кончили играть и, расплатившись, тяжело вышли из кабака.

Трактирщик встал и сказал, отвешивая почтительный поклон:

– Ваше высочество, такой принц, как вы, не наденет камзола из грубого сукна и не забегается запросто в простой кабачок без соображений политического свойства. Но будьте спокойны! Я не пророню ни словечка о том, что признал ваше высочество, и это так же верно, как то, что меня зовут Маликаном, и как я дам колесовать себя за члена вашего дома!

– Да сядь же, – сказал ему принц. – Ведь мой отец разрешал тебе сидеть в своем присутствии. Так вот, присядь и давай поговорим. Ты можешь дать мне кое-какие сведения. Приходилось тебе видеть короля?

– Ну еще бы! Ведь Лувр-то совсем близко от моего заведения, только по другую сторону!

– Каков король собою?

– Король-то? Коли говорить откровенно, странный он государь! Всегда нелюдимый вид... Вечно он болен, взволнован... Говорят, что сам-то он очень добрый, но вот... королева-мать доводит его до жестокости и бешенства...

– Ну а... его сестра?

– Принцесса Маргарита? Вот что, ваше высочество: вы уж позвольте мне говорить с вами так же открыто, как приходилось, бывало, с вашим покойным батюшкой! Позвольте? Да? Так вот, иной раз мне приходят в голову странные мысли. Вижу я, например, что ваше высочество соблюдает инкогнито, и вспоминаю, как наш земляк, капитан Пибрак, рассказывал вот в этом самом зале другому военному, что в Лувре поговаривают насчет брака Маргариты Валуа и Генриха Наваррского!

– А, так насчет этого говорили?

– Только вчера еще, ваше высочество! Ну так вот мне и пришло в голову, что, по обычаю нашей страны, моему принцу захотелось сначала повидать принцессу Маргариту в неподготовленном виде, прежде чем начать ухаживать за ней!

– Что же, эта мысль не лишена остроумия! – заметил принц, улыбаясь. – У нас говорят, что не следует покупать поросенка в мешке, и если принцесса некрасива...

– Вот уж нет, она хороша, как ангел!

– В таком случае мать была совершенно права, если пожелала видеть ее своей женой!

– Вот уж нет, должен я сказать и тут!

– Это почему?

– Да видите ли, ваше высочество, ваш покойный батюшка любил говорить, что лучше быть угольщиком и жить в своей хижине, чем одеваться в шелка и бархат, но искать приюта под чужой кровлей!

– Это золотые слова, Маликан.

– Конечно, наваррский король повелевает таким маленьким государством, что французский король в сравнении с ним является важным баринном. Поэтому французская принцесса крови должна казаться лакомым кусочком для наваррского короля, но...

– Да договаривай же до конца, нелепый человек!

– Но и принцессы крови иной раз подвержены той же участи, что и простые горожанки, а именно: о них слишком много говорят!

– Эй, эй, друг мой! – недовольно сказал Генрих, сердито сдвигая брови. – Начинаешь ты издали, да кончаешь уж очень близко!

– Простите великодушно, ваше высочество, но ваш покойный батюшка всегда позволял нам говорить с ним совершенно откровенно.

– Ну так говори, черт возьми!

– Так вот, если вашему высочеству придется когда-нибудь побывать в Нанси...

– У моего кузена Генриха де Франс?

– Вот именно. Так герцог Генрих сможет порассказать вам много всякой всячины о принцессе Маргарите!

– Маликан, – сказал Генрих, – ты верный слуга, и возможно, что твои советы и предостережения очень полезны. Но в данный момент я должен повиноваться желанию матери... Тише! – перебил он сам себя, увидев входившего Ноэ.

Маликан сделал вид, будто не замечает, что вошедший ищет принца. Он крикнул Миетту, приказав ей прислужить новому посетителю, а сам ушел за стойку.

– Чем могу служить вам? – спросила Миетта.

– Ровно ничем, красавица, – ответил Ноэ.

Миетта скорчила гримаску и убежала.

Ноэ подошел к принцу и сказал ему:

– Пибрак ждет вас!

– Вот как? – ответил принц. – Как же ты разыскал его?

– Да очень просто. Я отправился в Лувр с самым независимым видом. Часовой остановил меня, но я сослался на то, что хочу видеть капитана Пибрака. Только я назвал его имя, как из кордегардии вышел какой-то мужчина, подошел ко мне и сказал: «Это вы ищете меня? Я вас не знаю, но, судя по произношению, вы должны быть гасконским дворянином, ищущим моей протекции» С этими словами он утащил меня к себе в комнату, где я вручил ему письмо от королевы, вашей матушки. Вид знакомого наваррского герба на печати страшно взволновал Пибрака. Узнав, что вы здесь неподалеку, он приказал мне сейчас же сходить за вами и дал в провожатые пажа, который ждет нас у луврских ворот. На прощанье Пибрак шепнул мне: «Попросите принца поторопиться, потому что я, вероятно, буду иметь возможность показать ему принцессу Маргариту!»

Последняя фраза заставила Генриха вздрогнуть. Он сейчас же встал и, крикнув Маликану: «Покойной ночи, земляк!», взял под руку Ноэ и вышел с ним из кабачка. Впрочем, он не преминул воспользоваться случаем, чтобы ушипнуть Миетту за подбородок, сказав ей подходящий комплимент.

У ворот Лувра Ноэ поджидал прехорошенький паж. Он казался переодетой девушкой – такой был белый и розовый.

– Как вас зовут, милочка? – спросил его принц.

– Рауль, к вашим услугам, месье! – с изящным поклоном ответил мальчик.

Они прошли по целому ряду галерей, коридоров и зал, переполненных солдатами и придворными. Генрих внутренне улыбался, вспоминая простоту нравов наваррского двора.

Наконец перед одной из дверей паж остановился и заявил:

– Здесь частная квартира господина Пибрака!

«Гм!.. – подумал принц. – Старый сир де Пибрак живет в такой лачуге, в которой его сын, вероятно, не захочет держать своих лошадей. Но то в Наварре, а то в Лувре...»

Паж открыл дверь и приподнял портьеру, пропуская принца. Генрих вошел в комнату.

IX

Капитану де Пибраку было около сорока пяти лет. Это был высокий худощавый человек с орлиным носом и маленькими глазами. Он был родом из Гаскони, и его детство прошло под полуразвалившейся крышей убогой хижины отца. Когда Пибраку настал двадцатый год, отец дал ему старую лошадь, заржавевшую шпагу, кошель с пятьюдесятью пистоллями и сказал:

– Если у дворянина нет предков, то он сам должен стать своим предком!

Пибрак сразу оценил глубокомысленность этого совета и постарался выдвинуться своими средствами. Еще на родине он отличался выдающимися охотничьими способностями. При дворе французского короля Франциска II охота была в особенном фаворе, и молодой Пибрак сделал все, чтобы заставить говорить о себе. Наконец эти разговоры дошли до слуха короля, он приказал взять гасконца на следующую охоту, и там Пибраку сразу представился блестящий случай отличиться: собаки короля потеряли след зайца и беспомощно кружились на месте. Тогда Пибрак поймал след, довел всю компанию до старого дуплистого дуба, засунул руку в отверстие дупла и вытащил зайца за хвост.

– Клянусь честью, – воскликнул король, – это незаменимый субъект! Я хочу, чтобы он был при мне.

Пибрак был определен в личную гвардию короля и быстро начал подниматься по лестнице отличий. Умер Франциск II, ему наследовал Карл IX, который был еще более страстным охотником, чем старший брат, и очень любил поговорить с Пибраком об охоте. Однажды, когда Карл IX выражал свое восхищение интересным охотничьим эпизодом, рассказанным ему Пибраком, последний сказал:

– Эх, ваше величество, – если бы я был капитаном вашей гвардии, тогда я по долгу службы был бы постоянно около вас и мог бы рассказать вам много интересного!

– Черт возьми! – ответил король. – Ваши сказки становятся слишком дорогими для меня!

– Полно, ваше величество, – невозмутимо возразил Пибрак, – разве для короля может быть дорогим то, что действительно хорошо?

Король рассмеялся, и Пибрак стал капитаном гвардии.

Так совершилась быстрая карьера этого незначительного беарнского дворянчика, которому наваррская королева Жанна Д'Альбрэ поручила теперь своего сына и его спутника.

При входе принца Пибрак с трудом подавил возглас изумления, вызванного разительным сходством Генриха с его покойным отцом. Но тут был паж, а потому Пибрак ограничился любезным приветствием.

– Добро пожаловать, дорогие земляки!

Паж, отпущенный знаком руки Пибрака, ушел.

Тогда капитан сразу переменял обращение.

– Ваше высочество изволили прибыть как нельзя более вовремя, – почтительно сказал он.

– В самом деле? – отозвался принц.

– И если вам угодно, я покажу вам сейчас принцессу так, что она будет не в состоянии видеть вас. Но вам, мой юный друг, – обратился он к Ноэ, – придется подождать нас здесь!

– Жаль! Я тоже с удовольствием взглянул бы на принцессу! – ответил Ноэ.

– Это невозможно, потому что там, куда я поведу его высочество, двоим сразу не поместиться. Ну-с, пожалуйста сюда, – продолжал он, подводя принца к громадному шкафу, наполненному книгами и рукописями. – Это моя охотничья библиотека.

– Уж не собираетесь ли вы показать мне принцессу в обнаженном виде? – улыбнулся Генрих.

– Сейчас увидите, ваше высочество! – ответил Пибрак, открывая дверцу шкафа и раздвигая рукой несколько томов. В образовавшуюся щель он просунул руку, нащупал какую-то

пружину, нажал ее, и книжные полки сразу развернулись в противоположную сторону, обнаруживая замаскированный ими проход.

– Однако! – воскликнул принц.

– Это еще одно из самых маленьких луврских чудес, – ответил Пибрак. – Впрочем, если бы королева Екатерина обнаружила, что мне известен этот проход, ей самой еще неизвестный, она давно приказала бы своему верному другу Рене отправить меня на тот свет!

– Как же вам удалось обнаружить этот тайник?

– Совершенно случайно. Потом-то я вспомнил, что в этой комнате спал когда-то король Генрих Второй, а в комнате принцессы Маргариты жила Диана де Пуатье. Через этот тайник она по ночам навещала короля, о чем королева Екатерина, разумеется, ничего не должна была знать. Но обнаружить этот тайник было еще мало: надо было узнать, в какую часть комнаты принцессы он ведет и как его можно будет использовать. Я ухватился за первый удобный случай, чтобы проникнуть в комнату принцессы и тщательно осмотреть ее. Мне удалось обнаружить, что в резном распятии, помещенном у одной из стен, имеется небольшое отверстие. Исследовав затем тайник, я обнаружил отверстие и там. Оказалось, что тайник приходился как раз позади распятия. Отлично! Я расширил при удобном случае это отверстие и убедился, что через него можно свободно наблюдать за всем, что происходит в комнате принцессы. Конечно, я сейчас же приладил туда пробку, и теперь время от времени я прихожу и вынимаю ее, когда мне это бывает нужно.

– А, так это бывает нужно вам? – с тонкой улыбкой спросил принц.

– Еще бы! Королева часто приходит к принцессе и рассказывает ей о своих планах и делах. Однажды я услышал, как Екатерина выражала твердое намерение подсыпать мне в пищу какого-нибудь снадобья от Рене. Она сердилась на меня за то, что я похвалил двух собак, подаренных королю принцем Конде, злейшим врагом королевы. А король так любит охоту, что подаривший ему хороших собак сразу становится его лучшим другом. Что было делать? На следующий день я перед охотой силком заставил обеих собак надыхаться серой, отчего они сразу потеряли нюх. Король обозлился, тут же прострелил головы обоим собакам и резко попросил принца Конде избавить его на будущее время от таких подарков. Дружба с Конде тут же кончилась, зато королева Екатерина стала обращаться со мной как с лучшим другом! Как видите, ваше высочество, это отверстие в распятии – преплезная штука. Ну да вы сами сейчас убедитесь в этом! – С этими словами Пибрак взял принца под руку и повел его по темному коридору, шепнув: – Только, бога ради, не делайте шума! Помните – стены в Лувре обладают большим резонансом. Принцесса в этот момент занимается своим туалетом, вы увидите ее в полном блеске ее божественной красоты.

Затем Пибрак осторожно вытащил пробку – при этом блеснул маленький луч света – и сказал принцу:

– Смотрите!

Генрих прижался глазом к отверстию и замер, ослепленный представившимся ему зрелищем. Маргарита Валуа сидела лицом к принцу перед большим зеркалом полированной стали. Две хорошенькие камеристки причесывали ее. Генрих слышал много рассказов о красоте Маргариты, но то, что он увидел, значительно превосходило все его ожидания. Принцесса оказалась ему такой красивой, что в нем одновременно вспыхнуло два желания: одно – стать лицом к лицу с герцогом Генрихом Гизом, имея в руках шпагу, а в зубах кинжал; другое – свернуть шею этому болтуну Маликану, который делал столь компрометирующие намеки на отношения Генриха Гиза с этой дивной красавицей.

Появление нового лица в комнате принцессы отвлекло Генриха от созерцания красоты Маргариты. Этим новым лицом была женщина, которая казалась олицетворением страсти, энергии и властолюбия. То была сама Екатерина Медичи, пред которой, трепеща, склонялась вся Франция.

Видно было, что королева находилась в сквернейшем настроении.

Она кисло сказала дочери:

– Хорошо быть такой молодой и красивой, как вы, милочка! По крайней мере, можно не думать с утра до вечера ни о чем, кроме туалетов!

– Когда я стану королевой, – с очаровательной улыбкой ответила Маргарита, – тогда я буду вмешиваться в политические дела, а пока...

– Ты скоро станешь королевой, дочь моя!

Принцесса вздрогнула, улыбка сразу сбежала с ее лица.

– Но это еще не решено, надеюсь! – сказала она.

– Это решено, – возразила мать. – Так хочет политика!

Принцесса сильно побледнела и взволнованно сказала:

– Значит, мне придется выйти замуж за принца Наваррского? Да ведь это какой-то мужлан, недотепа, пастух, от которого разит чесноком и луком!

– Дурочка! – шепнул Генрих.

– Значит, придется жить в Нераке, – продолжала Маргарита, – в старом, развалившемся замке, где дует изо всех дверей и крыша протекает?

– На те деньги, которые принц получит в виде твоего приданого от короля, – холодно возразила королева, – он будет в состоянии заново перестроить замок!

– Жить в Нераке, среди неотесанного мужичья, слушающего проповеди! – продолжала отчаиваться принцесса.

– Тебе построят там хорошенькую католическую церковь! – возразила королева.

– А главное, я уверена, что этот наваррский остолоп совершенно не понравится мне!

– Ну, не скажи, милая! Если он похож на своего отца, то он очень понравится тебе!

«Черт возьми! – подумал Генрих. – Не хуже же я Генриха Гиза?»

– Я получила письмо от королевы Наваррской, – продолжала Екатерина. – Она пишет, что через пять-шесть недель приедет в Париж с сыном...

– Ваше величество! – сказала Маргарита. – Я подчинюсь политической необходимости, раз мой брак с принцем Наваррским кажется вам таковой. Но я буду очень благодарна, если до той поры вы не будете говорить со мной ни о наваррской королеве, ни о ее сыне, одеваемомся, вероятно, в мужицкий камзол грубого сукна!

«Не беспокойся, милочка! – подумал Генрих. – Я разоденусь в шелка, а тогда... посмотрим!»

Дверь открылась, и вошел паж. Это был Рауль, который перед тем провел наших героев к Пибраку.

– Что тебе, крошка? – спросила его королева.

– Ваше величество, – сказал Рауль, – мессир Рене хочет видеть ваше величество.

Угрюмое лицо королевы сразу просветлело.

– Так он приехал? – радостно сказала она. – Веди его сюда, Рауль!

Паж приподнял портьеру, и вошел Флорентинец.

Рене был в ужасном виде: запыленный, истерзанный, весь какой-то помятый.

– О господи! – вскрикнула королева Екатерина. – Что с тобой, Рене? Откуда ты?

– Из тюрьмы, ваше величество!

– Из тюрьмы?

– Да, ваше величество, трудно поверить, что в сорока лье от Парижа два провинциальных дворянина и кабатчик осмеливаются напасть на человека, находящегося под вашим покровительством, осмеливаются свалить его на пол, обыскать, связать по рукам и ногам и бросить в погреб, где он чуть-чуть не умер от голода и жажды!

– Эти господа, вероятно, не знали твоего имени!

– Я назвал им себя, грозил вашим царственным гневом, но они ответили мне презрительным смехом и ударами.

– Ты можешь быть спокоен, Рене, – сказала королева, глаза которой вспыхнули пламенем злобы и ненависти. – Ты будешь отомщен, а эти господа повешены!

Принц не был трусом, но при этом обещании почувствовал, что волосы слегка шевелятся у него на голове.

Х

Пибрак не мог даже подумать, что дворянами, о которых говорил Рене, были его гости. Но разговор королевы с Рене все же произвел на него удручающее впечатление, и он поспешил увести принца обратно в комнату.

Увидев их, Ноэ выразил желание полюбоваться в свою очередь на принцессу Маргариту. Пибрак объяснил ему, как надо пройти, и рекомендовал соблюдать величайшую осторожность, а Генрих, смеясь, крикнул вдогонку:

– Смотри повнимательнее, потому что ты увидишь там кое-кого, кто вызовет у тебя не очень-то приятные ощущения.

Пибрак взглядом попросил принца объяснить эти непонятные ему слова.

Тогда Генрих сказал:

– В то время как Ноэ будет любоваться принцессой, я расскажу вам приключение, случившееся с нами три дня тому назад между Блуа и Орлеаном. Дело в том, что этими провинциальными дворянами, о которых рассказывал королеве Рене, были я и Ноэ!

Пибрак даже подскочил от ужаса и изумления:

– Как, ваше высочество? Это были вы?

– Мы самые!

– Господи, да ведь вы пропали теперь! Ведь лучше восстановить против себя электора палатинского, императора германского, английского и испанского королей – всех вместе, чем одного только Рене Флорентинца!

– Полно! – небрежно ответил принц. – Королева Екатерина не обладает достаточной полнотой власти, чтобы повесить наваррского принца. А кроме того, она все же призадумается, прежде чем решится отправить на тот свет будущего супруга ее дочери!

– Все это верно, – упавшим голосом возразил Пибрак, – но только ровно ничего не доказывает...

Их разговор был прерван появлением Ноэ, который сказал:

– Черт! Я видел принцессу Маргариту, но видел также весьма гнусную фигуру, и вы были совершенно правы, Анри, когда сказали, что эта фигура вызовет во мне не очень-то приятные ощущения!

– Что вы наделали, господа! – продолжал Пибрак. – Ведь, имея своим врагом Рене, надо быть готовым ко всему! Если Рене встретит вас, он прикажет вас арестовать, а тогда вам волею-неволей придется раскрыть свое инкогнито!

– Черт! Об этом-то я и не подумал! Так что же вы посоветуете мне, господин Пибрак?

– Я посоветую вам надеть плащ, отправиться поскорее в гостиницу, где вы остановились, приказать оседлать лошадей и мчаться вон из Парижа!

– Значит, вы советуете мне вернуться в Наварру?

– Да, ваше высочество!

Генрих молчал, задумчиво опустив голову. Вдруг он встал, подошел к окну, распахнул его и сказал, показывая рукой на небо:

– Господин Пибрак! Вы второй беарнец, который говорит мне сегодня, что для меня было бы лучше отказаться от тех планов, ради которых я приехал сюда. Но взгляните вот на эту звезду! Я верю, что это моя звезда!

– Она всегда появляется на юго-западе, со стороны Наварры, ваше высочество!

– Да, с Наварры взойдет она на горизонте и засияет над Парижем! – Пибрак и Ноэ удивленно взглянули на принца, не понимая, что хотел сказать он этой фразой. А принц продолжал: – В моей душе слышится таинственный голос, который твердит мне: «Ты должен жениться на Маргарите Валуа не потому, что она прекрасна, не потому, что ты полюбишь ее или будешь

любим ею, а потому, что благодаря этому браку великие события осуществляются, несмотря на все препятствия!»

Говоря это, Генрих гордо вскинул голову, и вся его фигура дышала таким царственным величием, что Пибрак и Ноэ были очарованы.

Воцарилось молчание. Первым его нарушил Пибрак.

– Ваше высочество, – произнес он, – мне нечего сказать на ваши слова. Я не знаю, какая судьба ждет вас, но читаю в ваших глазах, что вы будете великим государем. Вы говорите, что это ваша звезда так ярко горит на небе? В таком случае смотрите на нее, следуйте ей, не слушайте ничьих советов, кроме нее, потому что люди, верящие в свою звезду, – сильные, большие люди!

Опять наступило глубокое молчание. Видя, что Пибрак о чем-то глубоко задумался, принц спросил его:

– О чем вы думаете?

– Я стараюсь найти способ обезвредить Рене, – ответил капитан королевской гвардии. – Разумеется, укус змеи не всегда смертелен, но все же причиняет сильную боль. Раз вы не хотите раскрыть свое инкогнито, надо найти способ обуздать Рене.

– Но каким же образом? – спросил Генрих.

– Подлых трусов можно обуздать страхом, – ответил Пибрак. – Рене – фаворит королевы Екатерины, но если бы вы оказались под покровительством короля...

– Господи! – улыбнулся Ноэ. – Это было бы лучше всего! Но как может случиться, что король ни с того ни с сего возьмет под свое покровительство людей, которых не знает?

– Ну, вы должны знать, что у нас на родине счастливые мысли водятся в большем изобилии, чем деньги!

– Это правда, господин Пибрак!

– Вот мне и пришла в голову счастливая мысль. Сейчас вы вернетесь к себе в гостиницу, а через час к вам явится Рауль и доставит парадные придворные костюмы. Сегодня вечером в Лувре чествуют испанского посланника. Бал затянется на всю ночь. Знакома ли вашему высочеству карточная игра, называемая «ломбр»⁵?

– Еще бы! Его высочество считается первоклассным игроком! – ответил Ноэ.

– Тогда все обстоит благополучно. Подробности я сообщу вам вечером. А теперь возвращайтесь к себе домой и ждите.

Принц и Ноэ закутались в плащи, и Пибрак провел их по маленькой лесенке к потерне⁶, выходящей к реке.

Отойдя на порядочное расстояние от Лувра, Ноэ сказал:

– Да, Анри, ваша женитьба на принцессе Маргарите грозит большими осложнениями. Почему вы всё настаиваете на этом браке?

– Да ведь принцы не женятся, подобно простым людям, только для того, чтобы иметь свой дом и семью! Мне приходится считаться с политикой, Ноэ!

– Политика – незрелый плод, Анри. Яблоко любви слаще!

– Но я и не отказываюсь от этого фрукта!

– А, так вы все еще думаете о красоте-еврейке?

– Еще бы! А кроме того, мне приходит в голову смешная мысль: хорошо бы влюбить в себя принцессу Маргариту, которая уверяет, будто я – неотесанный мужлан.

Они проходили как раз по мосту Святого Михаила.

⁵ Карточная игра испанского происхождения. Ее название по-французски происходит от слова, означающего «тень». Ломбр был в большом распространении до XVIII века. От этой-то игры карточные столы до сих пор называются «ломберными».

⁶ Подземный выход из крепости.

– Ба! – сказал Ноэ. – Ночь очень темна, а этот бандит Рене, должно быть, все еще в Лувре. Надо заглянуть к нему в лавочку и повидать прекрасную Паолу!

– Но послушай, Ноэ, – сказал принц, – ты, видно, очень хочешь, чтобы нас повесили? После того как ты запер проклятого итальянца в погребе, ты еще хочешь обольстить его дочь?

– Обязательно, и именно для того, чтобы не быть повешенным, – ответил Ноэ и, не обращая внимания на принца, подошел к лавочке парфюмера.

Мост был погружен во мрак, но лавочка внутри была ярко освещена. Прекрасная Паола сидела за конторкой, перед ней стоял Годольфин в пальто и со шляпой в руках.

– Отойдем в сторону, он сейчас выходит! – шепнул принцу Ноэ.

Действительно, вскоре Годольфин показался на пороге лавочки и сказал дочери Рене:

– Вы сейчас же запрете магазин, Паола!

– Хорошо, – ответила девушка.

– Я скоро вернусь – только возьму от портного парадный камзол мессира Рене!

– Пожалуйста, не торопитесь, – насмешливо ответила девушка, – я не скучаю без вас, красавец Годольфин!

Молодой человек глубоко вздохнул и поспешно ушел.

Выждав, пока шум его шагов затих, Ноэ сказал:

– Вот что, Анри, давайте заключим союз.

– Идет!

– Я помогу вам в ваших шашнях с красоткой-еврейкой! А вы оставите меня сейчас наедине с хорошенькой парфюмершей. Идите в гостиницу, я скоро приду туда!

– Но послушайте, несчастный, – сказал принц, – ведь Рене может вернуться с минуты на минуту!

– Э, велика важность! – ответил Ноэ. – Под мостом течет Сена, в которой можно всегда спастись вплавь!

Паола приотворила дверь лавочки, чтобы подышать свежим воздухом, но, увидев, что к ней идет какой-то мужчина, отскочила назад. Этим и воспользовался Ноэ и смело вошел в оставшуюся незакрытой дверь. Теперь Паола узнала красивого дворянина, ссылавшегося утром на свое знакомство с ее отцом, и покраснела.

– Простите меня, сударыня, – сказал он, – я пришел слишком поздно, но я провинциал и плохо знаком со столичными обычаями... Брррр! Не находите ли вы, что сегодня стало холодно? – И с этими словами Ноэ затворил за собой дверь.

– Однако, месье... – начала девушка.

– Простите меня, – перебил ее Ноэ, – но я забыл здесь кое-что и пришел просить, чтобы вы отдали мне забытое!

– Но что же вы забыли? – растерянно спросила девушка, глядя, как он запирает дверь на засов.

– Свое сердце! – ответил Ноэ.

– Однако... – снова начала было Паола, пытаясь взять строгий тон.

Но Ноэ, не смущаясь, продолжал:

– Быть может, мне еще не скоро придется снова застать вас наедине, а потому я непременно теперь же должен сказать вам, что люблю вас! О, как вы прекрасны!

– Боже мой, – смущенно бормотала Паола, не зная, что ей делать. – Отец может прийти с минуты на минуту... Этого еще не доставало! – с тревогой крикнула она, видя, что Ноэ опускается пред нею на колени. – Ведь на окнах нет ставен, могут увидеть... Так идите хоть сюда! – с отчаянием сказала она, увлекая Ноэ в маленькую комнатку, смежную с лавочкой и обставленную с большой роскошью. – Знаете ли вы, сударь, – продолжала она, стараясь суровым тоном замаскировать ту радость, которая против воли вспыхнула у нее на сердце при виде того, как

Ноэ снова опустился пред нею на колени и нежно обвил ее стан, – знаете ли вы, что ваше поведение переходит все границы?

– Я люблю вас! – ответил Ноэ, взяв ее руку.

– Но бегите же прочь, безрассудный! – сказала она, не отнимая, однако, своей руки у Ноэ.

Последний не успел ответить ей что-либо, как в дверь лавочки сильно постучали и чей-то голос крикнул:

– Паола! Годольфин!

– Боже мой! Отец! – растерянно шепнула Паола. – Если он застанет вас здесь, он убьет вас!

Она взволнованно оглядывалась по сторонам, разыскивая какую-нибудь норку, в которую можно было бы спрятать смелого влюбленного. Наконец, когда с улицы вновь послышался отчаянный стук, она втокнула Ноэ в свою уборную и побежала открывать дверь, шепнув:

– Не шевелитесь, иначе вы погибли!

XI

Если бы Рене не был сам так расстроен, он непременно заметил бы, как бледна и взволнована его дочь. Но теперь он только сердито буркнул:

– Что ты, спала, что ли? Не можешь поторопиться...

– Я не спала, – ответила девушка, – просто я боялась, потому что Годольфина нет дома.

– А куда провалился этот бродяга, нищий?

– Он пошел к портному за вашим парадным платьем.

Рене бросил на прилавок плащ и шляпу и, пройдя в комнату дочери, сердито уселся там в кресло. Паола с бьющимся сердцем подвинула свое кресло к двери уборной.

– Черт знает что такое, – сказал Рене, угрюмо осматривая дочь. – Ты разодета, словно принцесса. Неужели надо разодеваться в пух и прах, чтобы торговать духами?

– Что же мне, нищенкой одеваться, что ли? – недовольно возразила Паола.

– Не нищенкой, но согласно твоему положению!

– Кажется, я – ваша дочь!

– А что я такое? Жалкий торговец парфюмерией.

– Полно, отец! Разве я не знаю, что вы очень богаты, так богаты, что давно могли бы бросить все это и зажить барином в собственном дворце. К тому же вы дворянин. И я совершенно не понимаю, что мешает вам жить согласно своему званию, придворному положению и состоянию, что мешает вам выдать меня замуж за знатного дворянина!

– Проклятие! – крикнул Рене. – Да ты хочешь, видно, убить своего отца, несчастная?

Паола с недоумением взглянула на отца, слова которого казались ей совершенно непонятными.

Рене сейчас же переменял тон и продолжал:

– Прости меня, милая девочка! Я кажусь тебе тираном-отцом, который жертвует счастьем своей дочери по непонятному капризу... А между тем Бог свидетель, что я страстно желал бы видеть тебя женой знатного дворянина, важной дамой, утопающей в довольстве и холе. Ведь ты прекрасна, Паола; кроме тебя, я никого не люблю на свете, и все-таки твое замужество невозможно!

– Но почему?

– Потому что в тот день, когда ты выйдешь замуж за дворянина, я умру! – Флорентинец привлек к себе дочь, посадил ее к себе на колени и спросил: – Веришь ли ты во влияние созвездий, в предсказания гадалок, в волхвование, осуществляемое путем наговоров и волшебных снадобий?

– Разумеется нет, – улыбаясь, ответила Паола. – Ведь я христианка!

– Я тоже христианин, – сказал Рене, – а все же верю в это... В юности я был уличным мальчишкой и зарабатывал свой хлеб разными мелкими поручениями. Спать мне приходилось где попало, прямо под открытым небом. И вот однажды мне пришлось столкнуться со старой цыганкой, которая в благодарность за какую-то мелкую услугу предсказала мне мою судьбу. Она сказала мне, что я буду обладать огромным состоянием, что я буду одновременно и купцом, и знатным барином, что масса людей будет трепетать предо мной. Но у меня будет дочь, и вот в тот момент, когда эта дочь выйдет замуж за дворянина, а я прекращу свою торговлю, я погибну трагической смертью. Теперь ты понимаешь, почему я не могу бросить торговлю и позволить тебе выйти замуж. Предсказание цыганки до сих пор оправдалось во всем, значит, оно оправдывается и в этой части!

– Боже мой, боже мой! – с отчаянием сказала Паола.

– Будет хныкать! – крикнул парфюмер, ставший снова грубым и резким. – Ступай, молись и ложись спать!

Сказав это, Рене отправился по лестнице вверх.

Паола подбежала к двери уборной и хотела выпустить Ноэ, но в это время с улицы опять постучали. Это был Годольфин, вернувшийся с платьем Рене. Паола надеялась, что Годольфин поднимется вверх и отнесет платье хозяину, но Рене сам спустился вниз, надел новый камзол, пристегнул шпагу, взял шляпу и плащ и сказал Годольфину:

– Закрой ставни и ложись! На колокольне бьет уже десять часов!

Он ушел, а Годольфин пунктуально выполнил его приказание. Паола убежала к себе, заперла дверь своей комнаты на засов, опустила тяжелую портьеру и поспешила выпустить Ноэ из его тесного убежища.

– Уф! – сказал молодой человек, переводя дух. – Как там душно! Однако, кажется, судьба не хочет, чтобы я так скоро расстался с вами!

– Боже мой, а завтра вернется отец... быть может, он придет еще сегодня ночью... Боже мой, боже мой!

– Не беспокойтесь, – сказал Ноэ, – я выскочу из окна!

– Но вы расшибетесь насмерть!

– А не найдется ли у вас веревки?

– Ну конечно найдется! – с восторгом сказала Паола. – Там в лаборатории... – И быстро, словно вспугнутая козочка, она взбежала по лестнице и вернулась с веревкой.

– Веревка не очень толста, но кажется мне достаточно прочной, – сказал Ноэ.

Паола открыла окно. Молодой человек привязал веревку за болт ставней и произнес:

– А теперь, когда все готово для моего бегства, давайте поговорим!

– Да нет же, – испуганно ответила она, – умоляю вас, спасайтесь скорее! Я боюсь... Разве вы не слышали, что говорил отец? Он страшно суеверен.

– Ну что же, – ответил Ноэ, обнимая и целуя девушку. – Будем любить друг друга втайне, и вы увидите, что ваш батюшка не почувствует себя хуже от этого!

– Но послушайте, месье...

– Ах так! – капризным тоном перебил ее Ноэ. – Ну, так я вам вот что скажу, сударыня: если вы не дадите мне слова, что мы снова увидимся, я выброшусь из окна и разобью себе голову о перила моста!

– Да вы с ума сошли! Это безумие!

– Пусть безумие, но я сделаю так, как говорю: даю вам честное слово!

– Но я не хочу...

– Так вы позволите мне завтра навестить вас?

– Но вы окончательно сходите с ума! Ведь Годольфин будет в лавке!

– Господи, раз я могу выйти через окно, то могу и войти тем же путем! Слушайте: завтра я принесу с собой шелковую лестницу. Когда я буду проезжать в лодке под мостом, вы кинете мне веревку, я привяжу к ее концу лестницу, вы втянете ее вверх, привяжете к окну, и я поднимусь к вам так же просто, словно по луврской парадной лестнице! Ну, согласны вы? Так вы еще колеблетесь? Ну, так я считаю до трех. Если вы за это время не дадите мне своего согласия, я приведу в исполнение угрозу! Раз... два...

– Остановитесь! – с ужасом крикнула Паола. – До завтра!

Ноэ обнял молодую девушку, приник к ней долгим поцелуем, затем вскочил на окно, взялся за веревку и быстро спустился вниз. Достигнув конца веревки, он смело бросился в воду, на несколько секунд скрылся из глаз, затем снова вынырнул и спокойно поплыл к берегу.

– Бррр! – пробормотал он, вылезая на сушу и отряхиваясь. – Вода не очень-то тепла! И, сказав это, он бегом направился к гостинице, где его с нетерпением поджидал Генрих Наваррский.

Принц начинал уже беспокоиться, не случилось ли с Ноэ какого-нибудь несчастья, но в этот момент Амори появился в дверях. Сначала принц даже вскрикнул от радости, а затем не мог удержаться от смеха при виде приятеля, покрытого грязью и тиной.

– Откуда ты? Что с тобой случилось? – спросил он.

– Я купался в Сене. Вода холодна... бррр!

– Он тебя бросил в воду?

– Ну уж нет, черт возьми! Я сам избрал этот путь... Впрочем, разрешите мне сначала переодеться, а потом я расскажу вам все.

Ноэ ушел к себе в комнату переодеваться. Его переодевание заключалось в том, что он сбросил с себя мокрое платье и белье и закутался в одеяло. В этом живописном наряде он вернулся к своему царственному другу, который ждал его уже за накрытым к обеду столом. За едой он рассказал принцу все, что с ним случилось и что ему пришлось подслушать из своего убежища.

– Черт возьми! – сказал Генрих. – Не знаю, какое средство изобрел Пибрак для нашей безопасности, но если Рене действительно так суеверен, то я, кажется, и сам сумею предохранить нас от укуса этой ядовитой гадины!

– А именно?

– Я еще не выяснил себе этого вполне; потом расскажу.

В этот момент в дверь постучали.

– Должно быть, это Рауль, – сказал Генрих. – Войдите!

Но это был не Рауль, а тот самый юный приказчик, который утром проводил их к дому красоти-еврейки. При виде его Генрих почувствовал сильное сердцебиение.

Приказчик низко поклонился, подал принцу письмо, поклонился еще раз и ушел.

– Однако! – сказал Ноэ. – Неужели интрижка вашего высочества окажется такой же удачной, как и моя?

Генрих вскрыл письмо и прочел вслух:

– «Ваше высочество! Человек, который передаст Вам это письмо, предан мне душой и телом, я же настолько рассчитываю на Вашу порядочность, что верю, что это письмо будет сожжено сейчас же после прочтения. Понадобился очень сильный побудительный мотив, чтобы я решилась написать Вам это письмо в такой момент, когда муж может войти ко мне в комнату каждую минуту. Ваше высочество! Графиня де Граммон, поручая Вам письмо ко мне, не знала, какую жалкую жизнь я веду. Мой муж страшно ревнив, несправедлив ко мне, вечно мрачен и резок. Я живу узницей в собственном доме и окружена шпионами, подстерегающими каждый мой шаг. Я даже лишена возможности принимать у себя своих подруг! Вы спасли нас три дня тому назад от опасности худшей, чем смерть. И что же? Когда мы расстались, муж осыпал меня упреками, оскорблениями, ревнивыми подозрениями. Он уже ревновал меня к Вам! Небо было милостиво ко мне и направило Вас ко мне в дом в тот момент, когда мужа не было. Старый Иов постарался описать Вас и Вашего спутника как мог лучше, но муж не узнал Вас по этому описанию. Это еще большое счастье для меня, и я прошу Вас не появляться более на Медвежьей улице – это необходимо для моего спокойствия. Тем не менее мне необходимо сообщить Вам один секрет. Где и как могу я сделать это? Пока еще я не могу сказать Вам этого, но позвольте мне надеяться, что, если я назначу Вам место встречи, будь то днем или ночью, Вы явитесь в указанное место. Остаюсь покорной слугой Вашего высочества!

Сарра».

– Что ты думаешь об этом письме? – спросил принц, окончив чтение.

– Да думаю, что письмо Коризандры уже оказало свое действие.

– Ну вот еще! Неужели ты можешь думать это?

– Я уверен, что Самуил Лорьо вовсе не ревнив, а его жена ловкая особа, которая уже начала потихоньку опутывать наваррского принца тонкой паутиной!

Генрих собирался ответить приятелю что-то очень резкое, но в этот момент в дверь снова постучали.

На этот раз явился Рауль. Юный паж вошел в сопровождении дворцового лакея, несшего большой, тщательно увязанный пакет. Лакей положил свою ношу на стул и удалился по знаку пажа. Тогда паж сказал:

– Одевайтесь, господа! Господин Пибрак ждет вас!

Генрих и Ноэ оделись в мгновение ока, и Рауль, который при первой встрече не без скептицизма окинул взором их грубый провинциальный наряд, теперь должен был согласиться в душе, что знакомые господина Пибрака умеют справляться со всеми тонкостями модного платья и что придворный туалет во всей роскоши шелка, бархата и дорогих кружев далеко не чужд им.

Когда они были готовы, паж сказал:

– Пожалуйста, господа, у меня здесь экипаж.

Они уселись. Рауль громко скомандовал: «В Лувр!» – и это произвело громадное впечатление на хозяина гостиницы, присутствовавшего при отбытии своих постояльцев. Через четверть часа они остановились у ворот королевского дворца.

XII

Проводив Генриха и Ноэ до выхода из потерны, Пибрак вернулся к себе и потом прошел в королевский кабинет.

Карл IX сидел с ногами в кресле, погруженный в чтение трактата о дрессировке ловчих птиц. Услышав шум шагов Пибрака, он поднял голову и сказал:

– А, это вы, мой капитан?

– Это я, ваше величество! – ответил Пибрак с низким поклоном. – Но ваше величество, кажется, заняты, так я спешу удалиться...

– Наоборот, останься, Пибрак! – сказал король. – Нет ли у тебя чего-нибудь новенького?

Карл IX принадлежал к числу тех государей, которые изнывают от скуки и вечно жаждут хоть какого-нибудь развлечения. Поэтому он решительно ко всем обращался с этим вопросом, и положительный ответ приводил его в восторг.

– Пожалуй, есть, ваше величество! – ответил Пибрак.

При этом ответе лицо короля сразу просветлело, и его взгляд засверкал любопытством.

– Ну? Да неужели? – крикнул он, радостно потирая руки. – Присаживайся сюда, дружище Пибрак, и рассказывай!

Пибрак уселся на табурет, указанный ему королем. Таинственная улыбка на его лице еще более разожгла любопытство короля.

– Насколько я знаю, – сказал Пибрак, – ваше величество не очень-то любит Рене?

– Клянусь Богом, – воскликнул король, – Рене – самый отъявленный негодяй, какого только можно представить себе! Я уже давно вздернул бы его на виселицу, если бы он не состоял под покровительством королевы-матери, ну а она так дорожит им, что, повесь я его, она была бы способна поджечь Лувр! Ты хотел рассказать мне что-нибудь о нем, Пибрак? Да? Черт возьми, уж не умер ли проклятый итальянец? Вот было бы славно! Я избавился бы от него и сам был бы тут ни при чем!

– Умереть-то он не умер, ваше величество, но с ним случилось довольно неприятное приключение!

– Ба! А что именно?

– Ему дали порядочную взбучку.

– Кто же именно? Какие-нибудь уличные безобразники?

– Нет, ваше величество, это было в провинциальной гостинице. Парфюмер хотел похитить красивую женщину, а два проезжих провинциальных дворянина избили Рене и заперли его в погреб. Как он выбрался оттуда, я не знаю; знаю только, что сегодня он вернулся в самом отвратительном настроении!

– Однако, – сказал король, принимаясь громко хохотать, – эти господа отличаются незаурядной храбростью!

– Они гасконцы, ваше величество!

– И я с удовольствием посмотрел бы на них, – продолжал король.

– Господи, а я-то хотел просить ваше величество разрешения представить их вам. Одного из них зовут де Ноэ, другого – сир де Коарасс. Последний – очень красивый парень и, вероятно, явился результатом супружеской неверности покойного короля Антуана Бурбонского. Между прочим, сир де Коарасс – отличный игрок в ломбр...

– Черт возьми! – воскликнул король. – Да ведь все окружающие меня прямо-таки сапожники в этой игре! Даже сам принц Конде ни черта не понимает в ломбре, и, кроме тебя и меня, нет настоящих игроков! Непременно приведи ко мне этих гасконцев; сегодня же приведи, а то весь этот бальный шум только утомляет меня!

– О, в таком случае я могу обещать вашему величеству интересную партию! К тому же ваше величество получит возможность доставить проклятому Рене несколько весьма неприятных минут!

– Это каким же образом?

– А вот как! Ведь ваше величество имеет привычку очень поздно показываться на балу. Вы занимаетесь своей игрой, в полночь двери кабинета распахиваются, и приглашенные могут видеть ваше величество за карточным столом... Ну-с, если Рене увидит, что за столом вашего величества сидят те самые дворяне, которых он хотел бы растерзать на клочки, то...

– Понимаю, дружище, понимаю! – весело перебил его король. – Так и будет! Отлично!.. Подать обед! – приказал он камергеру, появившемуся на его звонок. – Не хочешь ли пообедать со мной вместе, Пибрак?

– Ваше величество, вы просто переполняете чашу своих милостей... Но не разрешите ли вы мне удалиться на минуточку?

– Ступай, но приходи поскорее!

Пибрак разыскал Рауля, приказал ему отправиться с платьем к Генриху Наваррскому и Ноэ, а сам поскорее вернулся к королю.

Все шло как по писаному, и это еще более утончило обычное остроумие Пибрака. Он всегда был великолепным рассказчиком, обладавшим весьма большим запасом всевозможных историй, а теперь просто превзошел сам себя. Король непрерывно смеялся, и не раз даже слезы выступали у него на глазах от сильного смеха.

– Однако что это за шум? – спросил вдруг король.

– Должно быть, прибыл испанский посол, ваше величество! Да вот и музыка!.. Бал начинается...

– Да, да, дружище Пибрак, – сказал король, – моя матушка действует так, как если бы меня вообще не было на свете. Без тебя мне и пообедать-то пришлось бы совершенно одному. Ну да ладно! Пошли мне моих пажей, я оденусь, а как придут твои молодчики, так веди их сюда!

Пибрак ушел к себе и стал ждать молодых людей.

Было одиннадцать часов, когда Рауль провел Генриха и Ноэ боковым ходом в помещение Пибрака.

– Рауль, милочка, – сказал Пибрак пажу, – ты окажешь мне огромную услугу, если повертишься в зале и сейчас же скажешь мне, как только на балу появится Рене. Я буду у короля.

– С удовольствием! – ответил паж, сейчас же удаляясь из комнаты.

Затем Пибрак тщательно оглядел молодых людей с ног до головы и, выразив свое удовольствие видом принца, повел их в кабинет короля. На пороге комнаты стоял часовой-швейцарец. Часовой стукнул два раза о пол концом своей алебарды, на этот шум прибежал камергер, и Пибрак сказал ему:

– Доложите его величеству, что пришел Пибрак с двумя родственниками!

Король сидел в кресле и читал свой трактат о ловчих птицах. Но при появлении молодых людей он отбросил книгу в сторону и с любопытством посмотрел на них. Карл IX питал большую слабость к рослым, красивым, хорошо сложенным людям, и Генрих сразу почувствовал, что понравился королю.

– Добро пожаловать, господа! – сказал Карл IX, легким кивком головы отвечая на придворные реверансы молодых людей. – Однако вы, кажется, порядочные скандалисты, господа! Что это вы наделали?

Генрих поднял удивленный взор на Пибрака, но по ободряющей улыбке капитана понял, что королю уже известна их авантюра с Рене и что Карл IX не сердится на них. Поэтому он смело ответил:

– Флорентинец лишь получил тот урок, которого заслуживал, ваше величество!

– Но этот урок может дорого обойтись вам, господа!

– Ну вот еще! – ответил Генрих, догадавшийся, что хотел сказать этим король. Мы просто не будем покупать у него духи, ваше величество, только и всего!

Король разразился громким смехом, довольный, что его сразу поняли, а затем сказал:

– Присаживайтесь, господа! Здесь я не король. Мы с Пибраком – старые друзья, ну а его друзья – и мои тоже. Как вас зовут? – спросил он, внимательно посмотрев на Генриха.

– Анри де Коарасс, ваше величество!

Король слегка подмигнул Пибраку, как бы желая сказать, что догадка капитана о незаконном происхождении молодого дворянина весьма правдоподобна, а затем сказал:

– Вы прибыли в Париж в поисках счастья?

– Вашему величеству, должно быть, известно, что в наших горах водится много камешков и мало денег, – ответил Генрих.

– Ну, деньги становятся редкими повсюду, – возразил король. – Моя матушка, королева Екатерина, уверяет, что я самый бедный дворянин во Франции.

– О, если бы ваше величество позволили мне разделить вашу бедность! – с тонкой улыбкой сказал Генрих.

– Гасконцы обладают большим запасом остроумия! – сказал король с довольной улыбкой.

– И малым запасом денег! – сказал Пибрак.

– Ну, десяток-другой пистолей у вас, наверное, найдется, – улыбаясь, сказал Карл IX. – Предупреждаю вас, сегодня я собираюсь играть крупно! Эй, кто там есть! Готье! Поставь-ка нам стол и принеси карты!

Когда стол был расставлен, король уселся, достал из кармана кошелек, бросил его на стол и сказал:

– Месье де Коарасс, я избираю вас своим партнером.

– Я безмерно польщен этой честью, ваше величество, – ответил Генрих, усаживаясь справа от короля.

Пибрак сел против короля и пригласил Ноэ занять оставшееся место. Склонившись к уху последнего, Пибрак шепнул:

– Мы должны постараться проиграть во что бы то ни стало! Если король выиграет, он всю ночь будет в великолепном расположении духа и Рене будет усмирен!

– Сними, Пибрак, – сказал король, заранее предвкушая удовольствие от любимой игры.

Пибрак снял, и игра началась.

XIII

Незадолго перед тем, как король уселся в своем кабинете за игру, его сестра Маргарита Валуа заканчивала свой бальный туалет при помощи прелестной камеристки, белокурой, словно мадонна, и остроумной, словно чертенок. Одевая свою госпожу, Нанси (так звали камеристку) непрерывно болтала. Но на этот раз шутки и злые выпады девушки насчет видных придворных персонажей не были в состоянии рассеять грусть юной принцессы. Что же было такое с Маргаритой? Какой неисполненный каприз, какая неприятность могли омрачить ее очаровательное личико? Разве не была она красивейшей из красавиц, разве сам пресыщенный нечестивец Дон Жуан не избрал бы ее своим идеалом? Но напрасно старалась Нанси – ничто не могло вызвать улыбку на лице принцессы, ничто не могло пробудить ее из ее грустной апатии. Наконец смелая камеристка решила произнести имя, которое сразу произвело свое действие.

– Если бы герцог Гиз был здесь, – сказала она, – он нашел бы, что ваше высочество еще красивее, чем всегда.

– Да молчи ты, Нанси! – испуганно шепнула Маргарита.

– Ну вот! – сказала Нанси. – Разве запрещено упоминать имя герцога?

– Да говорю тебе: молчи! – окончательно перепугалась принцесса. – В Лувре и у стен имеются уши!

– Но королева-мать уже на балу, так как посланник приехал, а раз королевы нет, то можно смело говорить о герцоге!

– Герцог уехал, – вздыхая, сказала Маргарита. – Он в Нанси.

– Но оттуда только три дня пути!

– Увы, герцог не вернется...

– Вот еще!

– Да разве ты не знаешь, что в Лувре жизнь герцога не была в безопасности? Однажды, когда герцог уходил от меня, к нему в тайном коридоре подошел какой-то замаскированный незнакомец и прямо сказал ему, что я предназначена в жены Генриху Наваррскому и что наша взаимная любовь с герцогом служит слишком большой помехой, чтобы его, герцога, не устранили с пути. Когда же герцог выразил сомнение, чтобы принц Наваррский был способен на убийство из-за угла, замаскированный незнакомец решительно заявил, что убийцы будут посланы не принцем Наваррским, а другим человеком; но имя последнего незнакомец отказался назвать, заявив, что «бывают имена, которые приносят несчастье уже тем, что их произносят вслух»! Герцог не хотел уезжать, ему это казалось позорной трусостью, но я до тех пор умоляла его скрыться, пока он не согласился. Я говорила ему, что он слишком дорог мне, что нравы Лувра известны достаточно хорошо и что в предупреждении незнакомца слишком много правдоподобного. Вот герцог и уехал! – Принцесса помолчала и затем продолжала с выражением невыразимой горечи: – И вот у меня душа разрывается от боли, а я должна идти на бал... должна улыбаться, танцевать, казаться счастливой...

– И все из-за этого отвратительного принца Наваррского! – сказала Нанси, топая ножкой.

– Я ненавижу его, еще не зная, – сказала Маргарита.

– Но я не понимаю одного, – продолжала Нанси. – Разве герцог Гиз не богаче и не могущественнее этого наваррского королишки? Так почему же ее величество непременно хочет выдать вас не за него, а за наваррского принца?

– Ты ничего не понимаешь в политике, Нанси, – пробормотала Маргарита. – Именно потому, что герцог Гиз влиятельнее, богаче и могущественнее наваррского короля, именно потому, что я вдобавок люблю первого, меня хотят выдать замуж за второго. Король дрожит при одной мысли, что Валуа останутся бездетными, что они умрут насильственной смертью. И если, как думает король, моей рукой герцога Гиза приблизят к трону еще на шаг, то он способен

отравить всех Валуа, чтобы занять трон самому. Наваррский принц по родственным связям ближе к трону, но его считают слишком ничтожным и безобидным. К тому же...

Маргарите пришлось прекратить свои разъяснения, так как в дверь постучали. Это был Рене, но уже не в таком несчастном виде, как несколько часов тому назад. Теперь он был одет в богатый костюм важного барина.

– Ваше высочество! – сказал он. – Ее величество королева Екатерина послала меня просить ваше высочество пожаловать на бал, где появление вашего высочества ожидается с живейшим нетерпением. Ведь уже одиннадцать часов!

– Поторопись, Нанси! – сказала принцесса.

– Готово! – ответила камеристка, втыкая последние золотые шпильки в красивую прическу принцессы.

– Ну-с, Рене, – сказала принцесса, натягивая перчатки, – ваша злоба улеглась?

– Немного, ваше высочество.

– И эти дворяне...

– Будут повешены, как только я найду их!

Принцесса была уже совершенно готова.

– Вы разодеты, словно принц, Рене, – сказала она. – У вас вид настоящего дворянина, – со злой насмешкой продолжала она, подчеркивая слово «настоящего». – Я хочу оказать вам честь: я принимаю вашу руку для следования в бальный зал. Что же мой платок, Нанси?

Нанси принесла расшитый кружевной платок. Принцесса взглянула на вышитый в углу его герб и вздрогнула.

– Ваше высочество, – сказал Рене, – вам было бы лучше не брать этого платка. На нем герб Лотарингского дома, а королева-мать относится очень враждебно к нему с тех пор, как герцог Гиз скрылся, не откланявшись ей. Королева и без того сумрачна, так что...

Маргарита надменно окинула парфюмера с ног до головы.

– Герцог Гиз дал мне этот платок, и я очень дорожу им!

Тон, которым были сказаны эти слова, был таков, что Рене оставалось только замолчать. Маргарита положила свою руку на запястье Рене, и выскочка Флорентинец вошел в бальные залы, ведя за руку французскую принцессу крови.

Испанский посол, человек уже немолодой, но истинный рыцарь, сейчас же подошел к Маргарите, презрительно посмотрел на Рене и предложил принцессе руку. Рене отправился на поиски королевы-матери. В этот момент он встретился с пытливым взглядом пажа Рауля, и последний сейчас же скрылся из зала.

Придворные с нетерпением ожидали появления короля, но Карл IX медлил. Уже не раз королева-мать спрашивала:

– Почему король не показывается?

– Король обедал с господином Пибраком, а теперь играет в ломбр, – ответили ей.

– Но ведь в эту игру нельзя играть вдвоем? Кто же еще играет с ними?

– Два дворянина, которых привел месье Пибрак.

– Их имена?

– Не знаю!

– Этот гасконец, – пробормотала королева, когда ей в десятый раз дали тот же ответ, – этот Пибрак пользуется у короля большими привилегиями. По счастью, он не опасен, так как не мешает в политику!

Наконец прозвучали три удара алебарды, которыми обычно извещали о появлении короля. Двери кабинета раскрылись, и присутствующие, сейчас же устремившие свои взоры к этому кабинету, увидели, что король сидит за карточным столом.

– Поди же посмотри, Рене, кто эти господа, с которыми играет король! – сказала королева-мать своему фавориту.

Флорентинец подошел к карточному столу и остановился в полном недоумении, узнав партнера короля, которому Карл как раз говорил в это время:

– Мы выиграли, господин де Коарасс! Вы играете восхитительно, и я желаю иметь вас постоянным партнером.

Генрих поднял голову, увидел бледное, угрожающее лицо Рене и с улыбкой поклонился ему.

– Ба! – насмешливо сказал король. – Да ты знаком с этими господами, Рене?

Рене поклонился и пробормотал что-то непонятное. По улыбке короля он понял, что Карл IX уже знал все случившееся с ним и радовался этому случившемуся. Рене перевел взгляд на Пибрака, но тот сидел с таким невинным видом, что парфюмер подумал: «Болван Пибрак ровно ничего не знает! – Затем он прибавил: – Так вот как, господа? Вы укрылись под защиту короля? Думаете ускользнуть от моей мести? Напрасно! Я подожду... я буду терпелив и все-таки погублю вас!»

Тем временем король встал, сделал три шага вперед и принял приветствие испанского посла, который как раз подводил принцессу Маргариту к ее месту после танца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.